

Юхан Смуул

МУРКА-МОРЯК

Юхан Смуул МУРКА-МОРЯК

Юхан Смуул

МУРКА-МОРЯК

Таллин
Издательство «Ээсти раамат»
1986

Э
С52

Печатается по изданию:
Ю. Смуул. МУРКА—МОРЯК
Издательство «Детская литература»
М., 1976

Перевод с эстонского: Леон ТООМ
Иллюстрации: Эндель МАЙСААР

С $\frac{4803010200-372}{901(15)-86}$ 369—86

С Издательство «Детская литература», 1976
С Издательство «Ээсти раамат», 1986

Эстонский писатель лауреат Ленинской премии Юхан Юрьевич Смуул (1922—1971) не только в своей детской повести «Мурка-моряк», но и в таких книгах, как «Письма из деревни Сыгедате», «Удивительные приключения мухумцев» и «Ледовая книга», написанных им для взрослых, рассказывает читателям о море, о рыбаках и моряках, о своих земляках — жителях маленького эстонского острова Муху. Да и не удивительно, что он больше всего любил писать именно об этом. Муху — это его родной остров, на котором он родился. Там же он с малых лет стал рыбачить и мечтал о поступлении в мореходную школу. Но жизнь сложилась иначе. Юхан Смуул стал писателем. Он писал стихи, поэмы, пьесы, повести и рассказы. В них он рассказывает о своих ровесниках, которые прошли такую же суровую школу жизни, как и сам писатель: сызмала батрачили на кулаков в буржуазной Эстонии, во время войны с оружием в руках защищали нашу страну, а после войны вернулись полноправными хозяевами в родной эстонский край.

Став уже известным писателем, Юхан Смуул осуществил наконец свою мечту о дальних морских путешествиях. Он побывал в больших

плаваниях: в Северной Атлантике, в Антарктиде, в Японском море, на острове Шпицберген.

После плавания в Северную Атлантику Юхан Смуул написал для детей эту маленькую повесть — «Мурка-моряк». В ней ничего не выдумано. Все, что описывает автор, он видел сам. Не выдуман и пес Мурка. Этот пес в самом деле плавал в Северную Атлантику, где стал бывалым моряком. И с ним случилось все то, о чем рассказывается в книге.

В 1955 году я получил командировку в Северную Атлантику. Мне предстояло отправиться на экспедиционный лов с первым у нас в Эстонии сельдяным траулером¹.

Снарядить корабль, выходящий в четырех-пятимесячный рейс, — сложное дело.

Чего только не требуется на судне! Одного продовольствия на два месяца, несколько сот сельдяных сетей, несколько десятков тонн дизельного топлива, свыше 300 гектолитров пресной воды, до тысячи пустых бочек для сельди и 20 тонн соли. Начни я тут перечислять да описывать все то, что называется судовым снаряжением, так получилась бы целая книга.

В Северной Атлантике нет магазинов; сельделовы порой по два месяца не видят полосы берега. Так что на

¹Смотри рассказ «Про морские слова» в конце книги.

борту должно быть все, начиная от йода, бинтов, аспирина и антицинготной моршки и кончая запасным винтом.

И наконец, надо провести тщательную проверку компасов и радиоаппаратуры.

Все это требует времени. И потому корабль удалось подготовить к отплытию только в первых числах июня.

Но вот команда в сборе, снаряжение погружено, компасы проверены. Не хватало лишь судового пса. А без собаки в море скучно.

У меня был пес Мурка, которого я никуда не сумел пристроить. Его-то мы и взяли в плавание.

Детство Мурки

Когда Мурка попал в море, ему было чуть больше года. Но за эту короткую жизнь с ним уже приключились кое-какие истории.

Как-то в марте я зашел на рынок. Купив то, что искал, я вдруг обратил внимание на лицо одной старушки, совсем такое, какие в кошмарах снятся детям, после того как они начитаются сказок о злых колдуньях.

Подбородок у нее выступал вперед. Нос был длинный и острый. Уголки узкого, как щелочка, рта были опущены. А с морщинистого лица глядели на меня круглые глаза, хитрые и недобрые.

Она заметила, что я смотрю на нее, нагнула голову, приподняла правой рукой угол старинной шали, и оттуда выглянула щенячья мордочка. Нос у щенка был тупой и мокрый. Собачонка приоткрыла один глаз, равнодушно повела взглядом и снова закрыла глаз. Вот ведь соня!

Затем старуха показала мне щенка целиком, и оказалось, что он совсем круглый. От холода щенок начал скулить.

— Милорд! Милорд! — забормотала старуха, глядя его.

Тогда щенок снова открыл один глаз и поднял одно ухо.

Он начинал мне нравиться.

Я подошел к старухе и спросил:

— Сколько хотите за собаку?

Старуха сделала вид, что не слышит. Она все гладила щенка, приговаривая:

— Милорд! Милордик! Кто бы сказал, что пес царских кровей попадет вдруг на рынок?

Я повторил свой вопрос.

— Пятьсот рублей, — ответила старуха. — Даром чистокровного пса отдаю, молодой человек.

— Двадцать пять рублей могу дать, — сказал я. — Ведь обыкновенная дворняга. Посмотрите на морду! Ну что в ней царского?

— Ошибаетесь, молодой человек, ошибаетесь! У собачки все породистое — от носа до хвоста. Только не видать пока. А роду она знаменитого.

— В самом деле? — заинтересовался я.

— Ее отец — Лорд! — сказала старуха и пытливо взглянула на меня. — А ее мать — Леди! — сообщила она затем.

— Имя какое хочешь можно дать. Собака спорить не станет, — возразил я.

— Пес этот ведет свой род от баронов, — решила поразить меня старуха.

Я, однако, не испытывал никаких особых симпатий к баронам.

Тем временем щенок успел выспаться и теперь оживился. Он зашевелил ушами и открыл глаз-пуговицы. И пока старуха доказывала мне, что это чистокровная легавая, а я уверял ее, что из собаки вырастет обыкновенная дворняга, тот, о ком мы

спорили, издавал всевозможные звуки, крутил головой и смотрел на меня сердитыми глазами.

Мы торговались долго.

В конце концов я уплатил пятьдесят рублей.

И лишь после того, как Милорд очутился у меня за пазухой, а старуха исчезла, я понял, что совершил самую глупую покупку в своей жизни.

Куда я теперь дену щенка? Кто будет с ним возиться? К чему мне вообще собака? И, кроме всего прочего, я, наверное, в самом деле купил обыкновенную дворняжку. Настоящих легавых никто не продает так дешево.

Так этот щенок и попал ко мне. С ним было много неприятностей. Я положил его спать в коробку от ботинок, но оттуда он вылез.

Он скулил за дверью, его поведение ничем не отличалось от поведения самых обыкновенных щенков: короче говоря, ничто в нем не вязалось с его изысканным именем — Милорд. И я назвал его Муркой.

Мурка рос быстро. Оказалось, что он действительно помесь легавой с овчаркой. Попав однажды к морю, он до беспамятства гонялся за чайками и даже бросался в воду, которую вообще-то ненавидел. Во дворе он загонял кур на крышу, а потом являлся ко мне за похвалой: гляди, мол, какой я молодец! Пришлось отучать его от этого молодечества. Но Мурка все же не перестал преследовать кур. Только теперь он сперва озирался вокруг и кидался к курам лишь после того, как убеждался что людей поблизости нет. Но порой я замечал, что у него из пасти торчат белые перья. Тогда его было не дозваться — он стыдился меня.

Впрочем, старый и злой петух отучил его приставать к курам. Когда Мурка снова захотел проверить, быстро ли куры удерут от него на крышу, пестрый петух вскочил к нему на загрибок и принялся действовать клювом и шпорами. Щенок завыл и начал метаться по двору. А петух весь взъерошился, перескочил с головы Мурки на спину и продолжал внушать ему, что приставать к курам — глупое занятие.

После этой «лекции» Мурка провалялся круглые сутки под забором, не желая ни есть, ни лаять. Кур он больше не трогал.

В прибрежной деревне, в которой мы тогда жили, Мурке доводилось встречаться со всякими животными и проверять на собственном опыте, кому кого следует бояться.

Лошадей он опасался. Уж очень они были большие. Но отставших на пастбище коров всегда загонял в стадо. После столкновения с кошкой он долго разгуливал с исцарапанной мордой и навсегда затаил вражду к деревенской кошке. Городские ничуть его не волновали. Да и какие в городе кошки! Половина из них и мышей-то не видели, а от порядочной крысы любая убежит. Спят себе на диванах, как сурки, иным еще и подушки подкладывают. Они становятся подлизами и воришками, как все те, кому не приходится собственными силами добывать свой насущный хлеб. Уважающей себя собаке просто унижительно иметь дело с таким противником.

Деревенская кошка бродит сама по себе. Летом ее можно встретить в нескольких километрах от дома, на лесной охоте за мышами. Она уже смолоду

привыкла сама о себе заботиться и не особенно рассчитывать на человека. Такая за себя постоит. Пришла когда захотела, ушла когда захотела, — сама себе хозяйка.

С этими-то деревенскими кошками и приходилось непрерывно воевать Мурке, прежде чем стал он отважным моряком. Мурка загонял их под амбары, на деревья и, подстерегая внизу, лаял до хрипоты.

Как-то Мурка наткнулся на барана. Тот спокойно пасся около огорода на привязи. Мурка подполз к неизвестному зверю сбоку. В нескольких шагах от барана он замер на месте, оскалил зубы и зарычал. Баран повернул к щенку свою крутолобую голову и равнодушно посмотрел на него. Мурка стал подкрадываться ближе, а баран начал поворачиваться к нему. Пес принялся яростно лаять. Баран сердито тряхнул головой, но не двинулся с места.

«Ав-ав! — протявквал Мурка. — Ты боишься меня?»

Баран мотнул головой.

Мурка, видно, принял барана за большую кошку.

Но «кошка» не выпускала щенка из виду. И едва Мурка подобрался ближе, как баран нагнул голову и — бац! — наподдал ему в бок. Мурка перевернулся, взвизгнул, а потом поднялся и стал потихоньку отступать. Баран — за ним. Гордость не позволяла Мурке пуститься наутек — он лишь держался все время на небольшом расстоянии от барана. Когда же натянутая веревка остановила барана, щенок твякнул напоследок и отправился домой с солидной неторопливостью пожилой собаки. Только хвост его не торчал, как всегда, а висел и взгляд был стыдливым. Впоследствии он держался от баранов как можно дальше и делал вид, что эти жвачные для него не существуют.

Не пойму, у кого собаки перенимают привычку носить в зубах разные вещи. А плохо воспитанные собаки носят все, что они могут схватить. Таким был и Мурка. Он уносил дрова от плиты, вытаскивал из-под кроватей и диванов тапочки и туфли. Если их пытались отобрать, он приходил в восторг и принимался носиться по комнате или по двору.

Лето прошло. Мы вернулись в город. А для собаки, свыкшейся за лето с вольной деревенской жизнью, нет ничего хуже тесной городской квартиры, запертой комнаты, вынужденной бездеятельности. Она путается у всех под ногами и всем мешает.

Меня очень сердило, что Мурка таскает всякие вещи. Если он ничего не находил, то принимался вытаскивать книги с нижней полки. А именно там стоят у нас большие ценные книги, которые я очень берегу! И когда потом, уже во время плавания мы заходили с Муркой в командную рубку, я всегда радовался, что маленькая книжная полка, на кото-

рую с интересом поглядывал Мурка, подвешена достаточно высоко. На полке стояли морские лоции и таблицы логарифмов — первые помощники любого штурмана. Но собаку очень трудно отучить от дурной привычки, и кто знает, чем бы все кончилось, если б Мурке удалось добраться до лоции Норвежского моря!

Наступила зима. Мурка уже перестал расти.

Жилось ему скучно. Когда к нам приходили гости и его запирали в чулане, он лаял за дверью, пока его не выпускали к людям. А уж потом никакой силой не удавалось загнать его обратно.

Весной он начал линять. И некоторые из друзей, приходившие к нам в новом костюме или платье, уходили украшенные Муркиной серо-бурой шерстью.

Большую часть дня Мурка спал от скуки. Он стал вялым и апатичным. И даже слегка ожирел. Глаза у него были грустные. Я с нетерпением ждал весны, чтобы отвезти его в деревню на острова. Но случилось так, что именно весной я отправился в Северную Атлантику, где Мурка стал Муркой-моряком.

О судах и судовых псах

Все мое детство было связано с морем, с морским побережьем. И я до сих пор не могу себе представить, что у кого-то детство может быть иным. Когда пятнадцатилетним пареньком я впервые попал на Большую землю, поступив учиться в сельскохозяйственную школу в Янеда, меня приводило в отчаяние то, что там на километры вокруг тянулась одна суша. Я шагал по осеннему полю, бродил по осеннему лесу и все думал, что стоит подняться вот на этот холм, пройти сквозь эту рощу, как сразу покажется осеннее море, большое, серое и холодное. Я все шел, шел и шел... Но море так и не показывалось. Поля, леса, болота, озера — и земля, земля, земля... Мне было так тоскливо в первые недели, что я плохо учился. А по ночам видел во сне маленькую шаланду¹ «Вяйке», Большой и Малый проливы и серый в крапинку хвост соленой трески.

¹Шаланда — небольшая несамоходная баржа.

Какими глазами мы, мальчишки с побережья, смотрели на корабли! Их было мало, и они были небольшие. До сих пор хорошо помню крошечный пароходик «Ганс», поддерживавший сообщение между Таллином и островами. Помню коренастого капитана, душную, как ад, кочегарку и чумазых кочегаров, вытирающих пот полотенцами. «Ганс» мне особенно памятен потому, что на нем я пережил свой первый серьезный шторм в Финском заливе, на нем в первый и последний раз в жизни страдал морской болезнью.

Но особенно нам нравились парусники. Они тоже были маленькими, но нам эти суденышки казались большими и настоящими кораблями. Вообще, по нашему мнению, корабль отличался от лодки только тем, что у него были штурвал, компас и мачта. Мы многое знали о кораблях: знали, как их строят, как оснащают, как ставится «по килю» компас. Мы любили корабли, мечтали о них. Воображали, как поплывем на них (все, разумеется, капитанами), в каких гаванях будем грузиться и разгружаться, какие чудесные страны повидаем. Любовь к морю и кораблям разжигали во мне друзья моего отца — капитаны дальнего плавания. В долгие зимние вечера они часами рассказывали о своих странствиях, о штормах, об авариях и кораблекрушениях. Мне нравились их истории, их морской жаргон и запах трубочного табака. Мне нравилось, что они говорят о корабле, как о живом существе, как о друге: он налетел на берег, он потерял паруса, он перевернулся килем кверху, он выстоял, он хорошо послужил.

Может, и я стал бы матросом, но началась

война, а после нее жизнь пошла по-другому. И, хоть я за это время налетал на самолетах и наездил на машинах и поездах тысячи и тысячи километров, все же моя старая любовь к кораблям не остыла. Мне кажется, что в них больше всего вкладывается человеческого разума, человеческого труда и человеческой любви.

А теперь я попытаюсь описать корабль, на котором началась моряцкая жизнь Мурки.

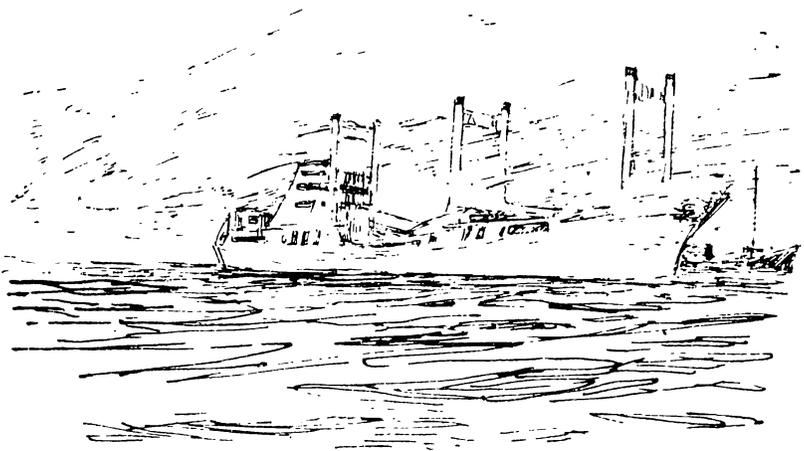
Это был сельдяной траулер, один из тех, какие можно видеть каждый день в таллинском порту — в рыбной или в торговой гавани. Этим судам вместо имени дается номер, перед которым стоят буквы «СРТ», что означает: «средний рыболовный траулер».

Его длина 34 метра, наибольшая ширина 8 метров, предельная осадка в воде 3,6 метра. На «СРТ-1»

стоит дизель мощностью 400 лошадиных сил. Его наивысшая скорость 11 морских миль в час (морская миля равна 1852 метрам).

У этого судна две мачты, два грузовых трюма, две спасательные шлюпки и два якоря. Оно снабжено радиоприемником, радиопередатчиком и множеством других сложных аппаратов: эхолотом — для промера глубины моря, моноскопом — для обнаружения косяков сельди и клинометром — для определения угла наклона корабля. На судне есть два секстанта: один для штурманов, другой для капитана. А для метеорологической службы имеются барометр и разные другие приборы.

Раньше судовой офицер определял местоположение корабля в открытом море с помощью трех приборов: лага, секстанта и хронометра. Но от них была польза лишь в том случае, если стояла ясная погода и светило солнце или сияли звезды. Туман в те времена был большим бедствием — ко-

рабль словно попадал в мешок. Сколько их гибло! Сейчас даже в самом густом тумане местоположение корабля можно определить с помощью тонкого и хитроумного прибора — радиопеленгатора. Есть он и на «СРТ-1». А на «СРТ» более новой конструкции имеется даже радиолокатор — эти «глаза» видят и в темноте, и в тумане, и даже метель им не помеха.

Если поглядеть на «СРТ» у низкого причала таллинской рыбной гавани, он кажется довольно солидным кораблем. Но в торговой гавани, рядом с большими пароходами, он выглядит суденышком. Когда же в Датских проливах он встречается с норвежскими и английскими гигантами, водоизмещением 20 тысяч и 30 тысяч тонн, то поневоле вспоминаешь его меткое прозвище — «Морская блоха». К тому же средняя часть корпуса у «СРТ-1» очень низкая, и при полном грузе высота ее надводной части едва ли достигает метра. Так что в океане при сильном волнении кажется, что на поверхности остаются лишь высокая корма траулера и форштевень, а все остальное затоплено. Но, несмотря на свою крошечность, «Морская блоха» очень устойчива и надежна в шторм. Она обладает одним свойством, безусловно необходимым рыболовному судну: большой маневренностью.

Команда «Морской блохи» состоит из двадцати пяти человек: это капитан с тремя помощниками, три механика, моторист, радист, мастер, отвечающий за посол сельди, старший мастер по добыче, отвечающий за лов, кок, юнга и матросы. На многих кораблях бывает еще двадцать шестой член команды, о котором больше всего заботятся и обязан-

ности которого не записаны ни в одном из морских уставов. Это судовой пес.

Судовые псы являются особым собачьим сословием. Их права охраняются неписаными законами, которым подчиняются все моряки. Я никогда не видел, чтобы какой-нибудь моряк ударил судового пса.

На сельделовных судах командиры и матросы едят за одним столом. Хотя судно подолгу плавает в океане и потому еда часто бывает однообразной, а то и невкусной, никто на это не жалуется. Жаловаться разрешено только собаке. Ей дают то, что она любит, и столько, сколько она захочет. Собака сама выбирает себе для жилья кубрик или каюту. В большинстве случаев она поселяется в каюте капитана. Я не раз видел, как наш капитан сражался с Муркой из-за того, кому спать ночью на койке, а кому — на полу. Пес боролся до последнего, и его удавалось выманить с койки только хитростью.

Во время работы собака всегда сидит на своем месте: либо на привязи у якорной лебедки, либо — во время штормов — в командной рубке.

Говорят, что собакам вредно жить на судах с железной палубой, что они от этого заболевают и умирают. Не знаю, так ли это. На сельдяном траулере деревянная палуба.

Старых и дряхлых судовых псов никогда не бросают. Если опасаются, что собаке не вынести предстоящего длительного рейса, то ее пристраивают на другой корабль в порту. Там о ней будут заботиться до самого отплытия, а потом потихоньку переправят на судно, которому предстоит долго

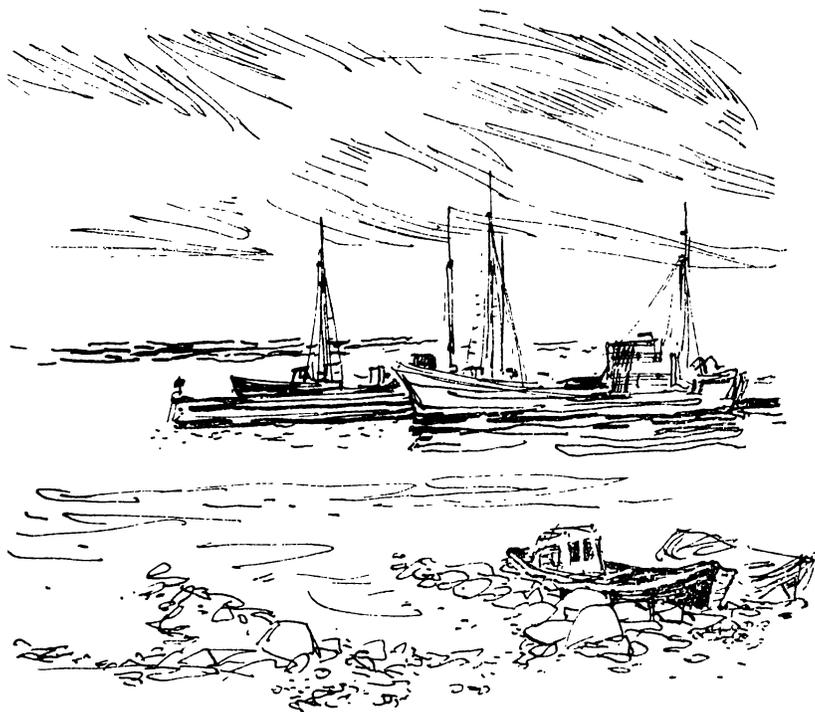
находиться в гавани. Иной старый пес без конца путешествует в порту с корабля на корабль до самой своей смерти.

Наш штурман рассказал мне такую историю.

Прежде на их корабле жила старая овчарка — отличный моряк. Она больше пяти лет провела в Северной Атлантике и сменила несколько судов. Дважды ее крали в порту — сманивали ночью на траулер, который отплывал утром. А сманить с корабля на корабль собаку, особенно умную собаку — сложная операция. Нередко она приводит к ссоре между капитанами и командами.

Сельдяной траулер, на котором жила старая

овчарка, как-то во время зимнего лова попал в сильный шторм. Дни и ночи напролет корабль подбрасывало на волнах высотой с дом. И собака заболела. Она перестала есть. Ноги у нее затекли, взгляд потускнел. И когда корабль прибыл в Мурманск, моряки решили оставить собаку на берегу. Нашелся добрый старик, который взял ее к себе.

Траулер поставили на ремонт, и он простоял в доке¹ два месяца.

К тому времени о старой собаке забыли. И перед отплытием взяли на судно молодого пса. Но в день отплытия, в тот самый момент, когда со всеми тамо-

¹Док — портовое сооружение для ремонта судов.

женными² формальностями было покончено и корабль начал потихоньку отваливать от причала, старая собака явилась в порт. Она мчалась по набережной во весь дух. Подбежав к причалу, от которого корабль уже отошел метра на два, она отступила назад и, не колеблясь ни минуты, со всего разгона прыгнула вперед. Ей удалось повиснуть на поручнях, и матросы подняли ее на палубу.

Собака совсем поправилась. Но удивительно, что именно в этот день она что-то почувствовала, оборвала цепь и примчалась к своим.

Собака принялась осматривать корабль, зашла во все каюты, в салон, поднялась на командный мостик и тут начала лизать капитану руку. Она все еще дрожала от напряжения. А после, обнаружив в капитанской каюте щенка, спавшего на ее месте, она накинулась на него и чуть не загрызла. Капитану стоило большого труда усмирить ее. Не существует более ревнивого животного, чем судовая собака. Пришлось перевести щенка из каюты капитана в матросский кубрик, расположенный в носовой части. Собак нельзя было выпускать на палубу одновременно: овчарка набрасывалась на щенка. Эта старая судовая собака обиделась, обиделась, как человек. Она любила капитана, но не могла ему простить, что рядом с ним, на ее корабле, на ее месте, в ее каюте, появился какой-то вислоухий глупыш, не знавший, что такое море.

Она сердилась на капитана и находила немало поводов к тому, чтобы показать ему это.

Когда корабль приплыл к Фарерским островам,

²Таможня — учреждение, которое контролирует ввоз и вывоз через границу товаров.

у которых стояла советская плавбаза, щенка передали на другой траулер. Лишь после этого овчарка простила капитана.

Хоть двадцать пять человек и уживаются вполне дружно на сельдяном траулере, для двух собак он слишком тесен.

У судовых псов свои повадки. Как только судно возвращается в свой порт из длительного рейса, собака сразу прыгивает на берег, отыскивает песчаное место и принимается копать. Это удивительное зрелище!

Целая туча песка взлетает из-под ее лап, которые действуют необычайно энергично и проворно. Через некоторое время она успевает зарыться в такую глубокую яму, что видишь лишь ее спину и торчащие уши.

Видно, собака не забывает земли, видно, ей порядком надоедает гладкая, скользкая и жесткая палуба.

Затем судовые псы на несколько недель пропадают. Никто не знает, что они делают, куда отправляются, — вероятно, отыскивают своих друзей и резвятся с ними. Однако ежедневно собака является в порт, чтобы хоть издали поглядеть на свой корабль. Перед отплытием эти посещения учащаются. У собак хорошее чутье. По характеру работ на борту, по груде припасов на палубе, а то и по настроению людей они всегда предчувствуют близость отплытия. И в день отплытия или немного раньше пес — тут как тут! — всегда оказывается на своем месте. Он является обычно отощавшим и слегка запаршивевшим. Безусловно, слишком долгое пребывание на берегу успевает ему надоесть не меньше, чем любому порядочному моряку.

Отплытие

Наш корабль стоял в таллинской рыбной гавани. И в тот день, когда мы отплывали в длительный рейс, была почти безветренная погода. Таллинский залив сверкал и переливался на солнце. Два белых облачка медленно скользили по синему небу с востока на запад.

С самого утра корабль заполнили люди. Они сидели на палубных люках и в каютах. Моряков пришли провожать жены. Нарядно одетые девушки, появившиеся на причале, просили, робея и краснея, вызвать то одного, то другого матроса. Перед тем как расстаться на несколько месяцев, людям необходимо выяснить и разрешить многое. Надо ведь напомнить моряку, что во время шторма следует спрятаться в уголок потише и думать о тех, кто остался на суше. Девушки, поговорив с матросами через борт, поднимались на палубу и начинали осматривать корабль. Час отплытия приближался, и у многих жен-

щин глаза стали влажными. Словом, все было как на настоящем корабле, которому предстоит долгое плавание.

Моряки успели вымыть палубу и навести образцовый порядок. Теперь они могли вволю болтать с провожающими. Лишь капитану было некогда. Он принимал начальство порта и представителей министерства. При нем находились штурман, механик и радист. Перед отплытием вся ответственность за подготовку к рейсу ложится на плечи капитана и его помощников.

Много было всяких забот да хлопот и у Мурки. Он просто сбился с ног. Утром, когда в трюм грузили сети, он помогал людям изо всех сил: ухватится зубами за тюк и несет его вместе со всеми. Во время задраивания люка Мурка не отлучался от боцмана и помогал получше растянуть брезент. Он носился по палубе со штырем¹ от люка в зубах — все искал, кому бы его отдать.

Кое-кто не понимал, что Мурка хочет помочь, и сердито отгонял его. Тогда он мчался к каюте капитана, скреб лапой по двери, а после того, как его впускали, клал морду капитану на колени — жаловался на обидчика — и бежал обратно. Ведь надо было еще проверить, надежны ли все канаты и хорошо ли завязаны узлы.

Словом, в первый день на корабле собаке пришлось нелегко. К тому же очень пекло солнце. А тут еще провожающие! И на каждого надо посмотреть, с каждым надо познакомиться. Правда, взрослые

¹Штырь — стержень, на котором держится крышка люка; люк — отверстие с захлопывающейся крышкой в палубе корабля.

Мурку не интересовали. Но ребята, пришедшие посмотреть на корабль, который увезет их отцов в холодный океан, к штормам и китам, очень интересовали Мурку. С ребятами Мурка всегда хорошо ладил. Он их щадил, был с ними терпелив и никогда не обижал. И в этот день он словно бы догадался, что теперь ему долго не придется видеть своих маленьких друзей, и потому милостиво позволял дергать себя за хвост, охотно подавал лапу и ложился.

Мурка попал в очень затруднительное положение с одним толстым двухлетним мальчуганом, принявшим его за деревянную лошадку, — такую же, на какой он катался дома, только мягкую.

Мальчик попытался сесть на него верхом; когда же собака чуть отошла вперед, он потянулся за ней следом, уговаривая:

— Буланка! Буланка! Буланка!

Малыш все пытался поймать «буланку» за уши и вскочить в седло. Игра эта продолжалась долго, пока оба не устали. Тогда Мурка растянулся на люке, а мальчик, вздохнув, улегся рядом, обнял пса своей толстой ручонкой за шею, погладил его и что-то пробормотал на своем детском языке. Минуту спустя оба уже спали.

Чуть погодя Мурка проснулся. Он лизнул мальчика в лицо своим длинным языком, тихонько отполз в сторону, поднялся, покрутился и пошел посмотреть, у себя ли капитан. А мальчик знай себе спал.

Дело шло к вечеру. Ветер совсем затих. Море сверкало, словно огромное зеркало. Провожающие начали прощаться. Кто целовался, кто плакал, кто

смеялся. И вскоре с корабля сошел последний провожающий.

Капитан поднялся на мостик, рулевой стал у штурвала. Убрали трап, отдали концы. Триль-траль! — прозвенел телеграф, передавая в машинное отделение команду капитана:

— Малый вперед!

Корабль задрожал и начал медленно отваливать от причала.

Ребята кричали с пристани:

— Мурка! Мурка!

Но Мурку уже не трогали эти крики. Расставив ноги, он стоял на палубном люке и не отрываясь смотрел на командный мостик, где находился его капитан.

Все набавляя ход, «СРТ» скользил по Таллинскому заливу.

Долгое плавание началось.

Мурка и море

Вы видели, как мальчишки подражают походке моряков?

Это делается так. Надо шагать по гладкой и устойчивой земле, не сгибая широко расставленных ног. Впрочем, дело не в ногах, а в том, как раскачивается верхняя часть тела, как плечи наклоняются то влево, то вправо. Важно, чтобы шапка была сбита набок, а глаза сощурены, чтобы подбородок был выставлен вперед и чтобы выражение лица было моряцким. При этом, конечно, следует воображать, что земля под ногами качается и что ухватиться не за что. В этом есть своя лихость, свой шик. Нет в этом, к несчастью, лишь одной «мелочи» — моряцкой походки. Моряк, особенно нынешний моряк с пароходов и теплоходов, конечно, ходит во время большого шторма расставив ноги, но когда качка становится слишком уж свирепой и все, что не

принайтовлено¹, съезжает с места, он предпочитает за что-нибудь держаться.

На палубах сельдяного траулера натягивают во время шторма стальные тросы. Держась за них, можно пробраться с кормы на нос. Моряк дожидается краткого спада между двумя волнами и тогда пускается бегом, не особенно думая о том, правильно ли у него раскачиваются плечи и такое ли у него выражение лица, какое требуется в подобных обстоятельствах. Важнее пробраться через палубу относительно сухим и невредимым, чем показать, что у тебя искусная морская походка. Из-за последней можно, чего доброго, и «к рыбам на обед отправиться», как гласит поговорка.

Говорю все это к тому, что на суше мы порой ложно представляем себе море и жизнь в море: представляем их либо слишком красивыми, либо слишком страшными.

Не ждите от меня рассказа о том, как сухопутные собаки, прежде чем стать судовыми, представляют себе море. О том, как собака впервые просыпается в море. Как она видит, что вокруг лишь вода, вода, вода... Как она вдруг испытывает страх. Как потом она начинает любить море, а вернувшись на берег, ходит по земле на манер заправского судового пса. Все это не соответствует истине, потому что собаки не боятся моря. Во время шторма их не выпускают на палубу, а сами они туда не рвутся. Собака относится с величайшим равнодушием и к морю, и к океану, и к тому, кто живет в его глубинах или на поверхности, если не считать чаек. Со-

¹ Принайтовить — скрепить, привязать.

бака привязывается к кораблю и к его команде, но не к морю.

Мурка проснулся в шесть утра. Его разбудил сигнал подъема, донесшийся из коридора. Мурка рассердился. Вчера он очень устал, и ему хотелось поспать еще. И потому он принялся лаять.

Капитан, лишь недавно вернувшийся с ночной вахты, недовольно крикнул:

— Замолчи, пират!

Тут Мурка вспомнил, что капитан стащил его ночью с постели, куда улегся сам, и положил на рогожку у двери. И они потом долго препирались: капитан — шутливо, Мурка — довольно злобно.

Я спал в той же каюте на диване, и потому пес, рыча, бросился ко мне и вцепился зубами в одеяло. Я попытался успокоить Мурку, но безуспешно. Его раздражал незнакомый пронзительный звук в коридоре, похожий на дверной звонок, раздражала непривычная обстановка и то, что пол в этой комнате все время слабо дрожал. Да и вся комната покачивалась.

Видно, пса беспокоили и запахи корабля. Например, запахи машинного отделения, проникавшие в каюту. Впрочем, некоторые запахи, а именно те, что доносились из камбуза¹, где кок и юнга готовили завтрак, были очень приятны.

Кроме того, с палубы были слышны шаги и голоса поднявшихся моряков. Пес ужом вился между диваном и дверью. Он выл, грозно лаял, хотел любой ценой выбраться из каюты.

Пришлось мне одеться и пойти с Муркой на палубу.

¹ Камбуз — кухня на судне.

Что тут началось! Он носился от человека к человеку, хватался зубами за канаты, кружился волчком. Но скоро ему стало скучно на палубе. Он был голоден. Его привлекали запахи камбуза. Надо было во что бы то ни стало подружиться с коком.

Занятно было наблюдать, как Мурка подбирался к камбузу. Виляющий хвост свился колечком. Морда стала хитрой и ласковой, взгляд — заискивающим. И ни один волосок не оцетинился.

— А, явился, старый жулик! — встретил его кок.

На том корабле, где он служил прежде, жила очень вороватая собака.

Но Мурка ничего не собирался красть. Он смотрел коку в глаза и тявкал. А когда перед ним поставили миску с едой, завилял хвостом и стал есть.

С этого дня между Муркой и коком установились странные отношения. Вроде бы и дружеские, а вроде бы и нет. Когда кок появлялся днем на палубе, Мурка смотрел на него безучастно, как на пустую бочку. И крайне неохотно разрешал себя погладить. Но трижды в день он прикидывался преданнейшим другом кока: в полседьмого — во время завтрака, в двенадцать — в обед, и в восемь — во время ужина. Есть-то ведь надо, а накормить мог только кок. Отсюда и возникла эта дружба по расписанию.

Кок не входил в число истинных друзей Мурки. К ним принадлежали на первых порах капитан, второй механик, два матроса и я. Потом к нам присоединились радист и мастер лова. С этими людьми Мурка затевал шуточные драки, ходил за ними по пятам и слушался каждого их слова, даже в том случае, если на него сердились.

Кость, полученная от капитана, была ему до-

роже, чем обед из двух блюд, которым кормил его кок. Вот и разберись тут в душе собаки, в ее понятиях о верности и благодарности.

Итак, Мурка впервые позавтракал в море. Увидев, что миска уже пуста, он залаял. Не дружелюбно и не заискивающе, а требовательно. Ему дали еще. Но пес и не притронулся к еде. И снова залаял — на это раз жалобно.

Потом мы научились понимать значение этого лая. Псу хочется пить, хочется пресной воды. А самому ее на корабле не добыть. Если в море забудешь накормить собаку, это не беда: она что-нибудь украдет. Но о пресной воде забывать нельзя — это закон.

И Мурке дали воды. Пил он жадно. А напившись, словно забыл о коке и тут же побрел на палубу.

Было чудесное солнечное утро. Море сверкало. Килевая¹ струя блистала, будто золотой ручей. Волн почти не было. А вокруг, до самого горизонта, простирался под ясным синим небом синий простор. Со всех четырех сторон нигде не было видно ни островка, ни полоски берега.

Мурка положил передние лапы на поручни и посмотрел на море. Глаза у него стали сонными, веки смыкались. Он протяжно зевнул. Ему стало скучно. В жизни он не видел ничего более неинтересного, чем эта безбрежная равнина. Ни деревца, ни дома, ни сада. Лишь вдали пролетела одинокая чайка. И бесконечно катились волны — малень-

¹Киль — продольный брус, проходящий по всей длине судна в середине его днища.

кие серые холмы. Даже запах моря казался скучным его чуткому носу.

Говорят, что собаки не различают цвет. Думаю, что это так. Лишь этим можно объяснить, что такие умные животные остаются равнодушными к красоте моря.

В конце концов Мурка положил голову на лапы и заснул.

Чуть погодя его увидел капитан, поднявшийся на командный мостик.

— Спишь, пират! — крикнул он псу.

Мурка тотчас вскочил, встряхнулся и кинулся на голос друга. Он промчался сквозь коридор на корме, и, добежав до капитанской каюты, начал скулить под дверью. Но никто ему не ответил. Мурка кидался в разные стороны, принохивался, искал и кончил тем, что протяжно и жалобно завыл.

Голос капитана послышался сверху. Но наверх, на мостик, вела почти отвесная железная лестница. Мурка пытался взобраться по ней, но, сколько ни разбежался, неизменно сваливался вниз, добравшись лишь до середины. Такие трапы не рассчитаны на собак.

Через несколько минут после того, как Мурка перестал выть и скулить, я отправился на мостик и сразу наткнулся на Мурку. На мостике находились капитан, вахтенный штурман, два рулевых и второй механик.

Я решительно не мог понять, как собаке удалось взобраться по такому отвесному трапу, и потому спросил:

— Как Мурка очутился на мостике?

Никто не ответил.

— Да он же, словно дитя, плакал, — сказал наконец со стыдливой улыбкой второй механик. — Вот я и сгрэб его под мышку да втащил наверх.

Мне это не понравилось. Скверная привычка Мурки — таскать в зубах всякие вещи — могла тут привести к неприятностям. И я сказал об этом.

Но механик лишь повторял упрямо:

— Словно дитя, плакал.

— Он может унести бинокль, — сказал я, — может пробраться в штурманскую рубку, где карты, и тогда будет плохо.

Штурман, не отнимая от глаз бинокля, возразил:

— Ну что он унесет! Собака тоже понимает.

Мурка же, вдруг почуявший во мне врага, свернулся клубком у ног капитана и насмешливо взглянул на меня:

«Говори сколько хочешь! Только ты тут не хозяин».

По правому борту показался еле видный берег острова Готланд.

Датские проливы

Неподалеку от Готланда на нашем курсе появился маленький шведский пароход «Михель Свенден». Он шел с севера — наверное, из Турку. Вез он лес. В течение многих часов мы шли рядом, всего в нескольких десятках метров один от другого.

Мы с любопытством наблюдали за молчаливой деловой жизнью на чужом корабле.

Как-то раз, когда я следил за сменой рулевых на командном мостике, наш матрос крикнул:

— Смотрите, ребята, черная свинья!

И он показал рукой на волны. Я направил в ту сторону бинокль. «Черной свиньей» называют дельфина. Его жирная темная спина показалась около самого корабля, а потом, исчезнув, появилась чуть впереди. Дельфин плыл быстрее нас.

Мурка, снова прибежавший на палубу

порезвиться, тоже уставился на него. Но он не мог сообразить, какому зверю принадлежит эта черная спина, и потому, твякнув дважды из чувства долга, замолк.

Мы подходили к первому из Датских проливов, к Зунду. И чем дальше, тем меньше нас интересовал «Михель Свенден», хоть его киль и оставлял на воде линию, параллельную нашему следу.

Для моряков, выросших на Балтийском море, прохождение через Датские проливы — значительное событие. Ведь порой при выходе из них начинается поистине большое плавание: пройдя через Каттегат и Скагеррак, можно направиться в Ла-Манш, поплыть во Францию, в Италию, в Северную Африку. Или повернуть на север и пойти к портам на берегу Норвегии, а то и в Мурманск, в Архангельск. Одним словом, плыви куда хочешь. Датские проливы — это ворота Балтийского моря, через них можно попасть в любой океан.

Потому-то именно здесь моряков еще с незапамятных времен и «крестят» в соленой воде. Судя по рассказам старых моряков, когда-то это крещение было очень суровым, даже свирепым обрядом. Рассказывают, что в старину моряков пропускали на канате под килем и при этом некоторые из них тонули. Еще в конце прошлого века и начале нынешнего людей привязывали к тросу, трижды окунали их в море, а потом некоторое время волочили за кораблем по воде.

Обряд «крещения» существует и поныне. По-прежнему в Зунде появляется на палубе Нептун¹ с

¹ Нептун — в древнеримской мифологии бог морей.

бородой из пакли, с трезубцем, с деревянной бритвой и с толстой книгой уставов. Его сопровождают два адъютанта. И, хотя морской бог смягчил свои законы и теперь моряки, впервые проплывающего через Зунд, больше не окунают в море, все же

Нептун произносит свои мудреные поучения, перед «бритьем» намыливает новичка дегтярной водой, а потом происходит купание в ушате с холодной морской водой. Затем празднуются «крестины».

Мне для начала прочли длинную проповедь, затем посадили на доску, положенную поперек ушата, и побрили деревянной бритвой длиной в полметра. Пока адъютант Нептуна скоблил мне левую щеку, из-под меня выбили доску. Я совсем этого не ожидал и потому, упав в ушат, наглотался соленой воды. Не успел я откашляться, как Нептун с адъютантом уже исчезли.

Почему-то после «крестин» состояние духа у меня было удивительно приятным и бодрым. Таким и оставалось все время, пока в Северном море мы не попали в шторм.

Датские проливы замечательны! То и дело слева и справа возникают из моря силуэты кораблей. Они приближаются к нам и все увеличиваются, подходят вплотную и проплывают мимо. Какие только суда и флаги тут не увидишь! И датские, и шведские, и английские, и норвежские, и польские, и финские, и португальские, и немецкие. Всех и не перечтешь.

Каждый нетерпеливо ждет своей очереди на бинокль. Проплывают пассажирские суда — светло-серые или белые, легкие и быстрые, с рядами иллюминаторов, доходящими почти до самой воды. На палубах кипит жизнь: там танцуют, машут нам руками и кричат. Доносится незнакомая музыка: бим-бом, трам-тарарам! Проплывают серые торговые пароходы, английские и норвежские, со множеством надстроек, грузовых люков и командным мостиком

посреди палубы. Это настоящие гиганты. И тут начинаешь понимать, как в самом деле мал наш «СРТ». И перед глазами возникают призраки атлантических штормов.

Но вот перед нами появилось трехсотлетнее прошлое флота: века открытий, безумно смелых плаваний, века великих путешественников и великих искателей, трагических кораблекрушений, навсегда оставшихся тайной, — века, бывшие, к сожалению, и веками работорговли да кулачных расправ.

К нам все ближе и ближе подходил великолепный парусник, большой, белый. Он плыл на всех парусах и был похож на лебедя. В наши дни, когда больше ни в одном торговом флоте не осталось никаких парусников, они особенно поражают своей редкой, неповторимой красотой. Это оказался учебный корабль польской мореходной школы, на котором будущие офицеры флота изучали на практике вождение парусных судов. Курсанты взбирались на реи¹, словно белки. От их ловкости и бесстрашия захватывало дух. Я долго смотрел вслед паруснику и думал: вот бы когда-нибудь проплыть хоть несколько миль на этом судне наших отцов и прадедов, на этой красе морей!

Все время ясно виден южный берег Швеции. Порт Треллеборг остался позади, а впереди начали вырисовываться, словно возникающие из воды, бесчисленные портовые краны с длинными журавлиными шеями. Мы подплывали к Мальмё.

¹Рея — поперечный брус у мачты, к которому подвешивается верхней кромкой прямой парус.

Все это было так интересно, что я совсем забыл о Мурке. Он раза два повертелся у моих ног, потом его лай донесся откуда-то издалека, затем он решил проверить, прочны ли брезентовые брюки у одного матроса, но, пока мы проходили пролив Зунд, всем было не до собаки. Даже мастер лова не обращал на него внимания. И в отместку Мурка схватил трубку мастера лова, которую тот ненадолго положил на люк. Гордо задрал хвост, Мурка, петляя, удирал по палубе от мастера. Но не успел тот настичь воришку, как Мурка чихнул, выронил трубку и, сконфуженный, улизнул на корму. Пока что ни один судовой пес, ни до Мурки, ни после него, не смог научиться курить. Это еще раз доказывает, насколько умны собаки!

После истории с трубкой Мурка надолго куда-то исчез. Наверное, сидел и чихал в кают-компани. А я стоял на носу и глядел на проходящие корабли, на далекий Мальмё, на прибрежные дома с красными крышами. Но наконец долгое отсутствие Мурки меня встревожило. Я ведь его знал: поди догадайся, какое новое озорство взбрело в его собачью голову.

И в самом деле, Мурка успел кое-что натворить за это время. Прежде всего он отправился искать капитана. Не найдя своего друга в каюте, он принялся брать штурмом крутой трап, ведущий на капитанский мостик. Несколько раз он падал, но не скулил. Смелость города берет! Раз от разу он забирался все выше, пока не научился цепляться за прутья и не добрался до двери штурманской рубки. Лишь через нее можно было попасть на мостик.

Уж тут-то он устроил концерт. Собаки, они

умеют разжалобить человека! И штурман дал Мурке пройти сквозь рубку на мостик. Пес улегся у ног капитана и принялся устало и довольно отдуваться. Придя в себя, Мурка начал изучать мостик. Дверь, ведущая из штурманской рубки на мостик, осталась открытой. Следовало заглянуть в нее и посмотреть не найдется ли чего-нибудь погрызть в рубке.

Поднявшись на мостик, я не увидел Мурки.

— Где собака?

— Только что была тут.

— Тут? — переспросил я, предчувствуя недоброе.

В этот момент из штурманской рубки донесся шорох и послышалось, как собачьи лапы ступают по линолеуму. А затем во всем своем великолепии появился сам Мурка, этот шкода¹, этот король дворняг. В зубах он держал крупномасштабную карту Зунда. Сразу бросилась в глаза красная линия нашего курса, проходившая мимо береговых и плавучих маяков, мимо Мальмё, между Хельсингборгом и Хельсингером.

Я побледнел.

— Дай сюда! — хрипло сказал я.

Мурка радостно вильнул хвостом.

— Дай, дьявол хвостатый! — гаркнул я нечеловеческим голосом.

Мурка выронил карту. Я отнес ее на место и, вернувшись, плотно закрыл дверь рубки.

С минуту все на мостике молчали. Потом свободный рулевой взял Мурку на руки и снес его вниз.

¹Шкода — баловник, озорник.

Едва матрос поднялся наверх, как Мурка снова взял штурмом трап и поднял вой у двери штурманской рубки.

Но я не дал себя разжалобить, а сказал:

— Скули себе на здоровье!

— Пес не виноват, — сказал капитан. — Просто надо держать дверь рубки закрытой, и все.

— А все-таки здорово он, леший, лазает! — с уважением сказал свободный рулевой.

— Только не своим курсом! — сердито возразил штурман. — Собачье дело — за кошками да зайцами гоняться, а не карты таскать!

Мурка частенько с невероятным упорством продолжал взбираться по трапу и атаковать дверь штурманской рубки. Но, сколько он ни выл, на мостик его больше не пускали. У собаки, конечно, тоже есть свой курс, но чтоб она еще проверяла его по карте — это уж чересчур! Лишь в Норвежском море Мурку снова пустили на мостик. Но к тому времени он уже стал побаиваться закрытой двери штурманской рубки и старался проскользнуть мимо нее как можно скорее.

Вот попадем в Северном море в ад

Каттегат мы прошли в хорошую погоду. И даже после того, как мы миновали мыс Скагген, за которым начинается более широкий пролив Скагеррак, Нептун оставался все столь же милостивым. Лишь слабая волна слегка морщинила темно-синюю гладь Скагеррака. Датский берег уже исчез, береговые скалы Южной Норвегии еще не показались, и вокруг была лишь вода, вода, вода... Нас даже охватило обманчивое ощущение, что разговоры о сильном волнении, о штормах, о морской болезни ведутся лишь для того, чтобы запугивать ребяташек.

В Скагерраке корабли встречались гораздо реже, чем в Зунде. Однообразие водной равнины постепенно заглушало в душе то праздничное чувство, которое охватило всех в первые дни плавания. Мы уже отчетливо сознавали, что нас ждет будничная и монотонная трудо-

вая жизнь моряков. У рыбаков, отправляющихся на дальний лов, нелегкий хлеб.

Проходил час за часом, миля за милей. По правому борту нас сопровождали скалистые берега Южной Норвегии.

Был вечер. Уже стемнело. Море едва поблескивало. Где-то впереди мелькали сигнальные огни встречных судов, на берегу мигали маяки.

После полуночи мы легли спать: капитан на свою койку, я на диван. А Мурке почему-то разонравилось спать у двери каюты, на рогожке. Попытавшись всякими хитростями сперва занять капитанское место, потом мое, он, рыча, взобрался на кресло у письменного стола и свернулся клубком. Видно, он почувствовал себя спокойно между ручек кресла и потому вскоре тихо захрапел. А нам не спалось.

— Завтра будем в Северном море, — сказал капитан. — Барометр падает.

— Потреплет ветром.

— Не иначе, — сказал капитан и, помолчав, добавил: — Надо бы привинтить к полу кресло.

На кораблях стулья привинчиваются железными болтами к полу каюты. Но Мурка спал так сладко, что мы отложили это дело на утро. И оба разом заснули, словно в яму провалились.

Мне снился странный сон. Будто я веду машину по Военно-Грузинской дороге. Вдруг руль перестал меня слушаться и машина полетела в пропасть. Но не успел я упасть, как у радиатора выросли крылышки и машина взлетела вверх. А потом начала падать. Так меня болтало до тех пор, пока я с

ужасным грохотом не рухнул на дно пропасти и не проснулся.

Корабль сильно качало. О переборку каюты, гремя, стучалась отвязавшаяся пустая бочка. Мурка рычал во сне и беспокойно ворочался. Но ничего особенного не случилось. Волна была встречная, и траулер опускался и поднимался через равные промежутки.

Капитан позвонил на мостик:

— Привяжите бочку.

С мостика ответили, что этим уже занимаются.

— Какой ветер?

Ответили, что западный, в шесть баллов.

— Все, — сказал капитан и повесил трубку.

Траулер шел прежним курсом против волны.

Прежде чем снова заснуть, я вспомнил все то небольшое, что знал о Северном море. Оно очень большое. Его площадь равна 270 тысячам квадратных километров. Но для моря таких огромных размеров оно слишком мелкое. Средняя глубина Северного моря — 94 метра. Лишь вдоль берега Норвегии тянется впадина глубиной до 700 метров.

В старину моряки называли Северное море «морем смерти». Наверное, потому, что над мелководьем волны гораздо более свирепы, чем над глубокими местами. Они тут круче, выше и яростнее, а провалы между волн — более узкие. С такими волнами хорошо знакомы рыбаки Чудского озера и каспийские моряки. Волны Северного моря — плохие волны. Мне вспомнились друзья и знакомые, вспомнились эстонские моряки, чьих отцов и дедов когда-то поглотили эти волны. Я видел лишь фотографии этих людей и знал о них всего-навсего

то, что их кости занесены морским песком и что под их головы не положено, как полагается, горстки эстонской земли.

Корабль все качало и качало. Непривычного человека такая качка сначала одурманивает¹, потом усыпляет. Я слышал шаги штурмана над головой, размеренное биение мотора внизу и плеск волн, разбивающихся о нос корабля. А потом опять заснул беспокойным, изнурительным сном.

Еще во сне я почувствовал, будто что-то изменилось. Но что именно, я понял лишь в тот момент, когда вместе с одеялом и матрацем слетел на пол и больно стукнулся головой. С большим трудом я встал на ноги. Но устоять было почти невозможно, и я вцепился в стол, за который мне пришлось держаться изо всех сил, так как корабль очень сильно накренился.

Значит, мы вошли в Северное море. Траулер шел на норд-вест², и волна била сбоку.

Через палубу непрерывно перекачивались черные, как ночь, потоки воды. Все, что не успели закрепить, двигалось и скрипело.

Только я было собрался опять поспать, как приключилась история с Муркой. Кресло, на котором он спал, медленно скользило по линолеуму: то вперед, то назад, то вперед, то назад. Спящий Мурка оцетинился и даже тьяквал порой. Но вот на нас накатила целая гора воды. Волна со всего разгона ударила о поручни, ее пенистый гребень обрушил-

¹Дурманить — туманить сознание.

²Норд-вест — северо-запад, северо-западный ветер.

ся на палубу, и траулер отклонился от курса на несколько градусов.

Кресло заскользило быстрее и всей тяжестью ударило в дверь. Сиденье провалилось. Сонный, оглушенный ударом, Мурка с визгом покатился по полу, не находя, за что уцепиться. А корабль тут же со стоном перевалился на другой борт, и Мурка полетел под стол, прямо на стальной сейф, в котором хранятся судовые документы. Пес очень ушибся и все-таки принял все происшедшее за игру. Мурка подумал, что эту игру с тумачами затеяли мы с капитаном. Он пришел в неистовую ярость и решил нам отомстить. Вскочив на грудь капитана, он оскалил зубы и зарычал.

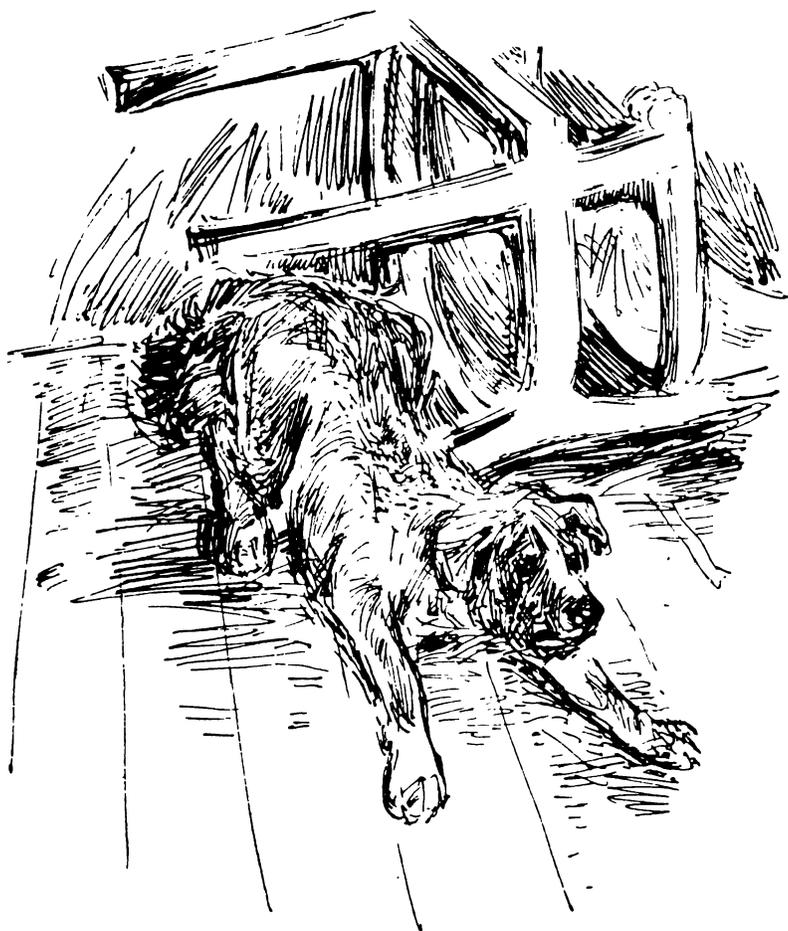
— Цыц, глупый пират! Не скаль зубы! — сказал капитан, и начал гладить собаку.

И тут Мурка все понял. Сиплый вой шторма, свист в вантах, резкие выкрики на командном мостике — все это не было игрой. И то, что корабль так сильно качало, что каюта, уже ставшая для Мурки родным домом, потеряла всякую устойчивость, — это тоже не было игрой. Пес поглядел на иллюминаторы, но их все время заливало водой. Казалось, что море хочет силой ворваться в каюту.

И тогда Мурке стало страшно, до того страшно, что он весь задрожал. Он пробрался к стене, прижался спиной к ногам капитана, уперся лапами в переборку и заплакал, заплакал на этот раз, как ребенок, столкнувшийся лицом к лицу с чем-то непонятным и жутким.

— Ну что ты плачешь, пират? Это ведь только начало, худшее еще впереди, — утешал его капитан.

И пока Мурка, непрерывно дрожа, лизал руку

капитана, тот объяснял ему, что настоящий судовой пес не должен бояться моря, что он обязан быть смелым, как лев, и хладнокровным, как тюлень.

— Ты у нас еще научишься по мачтам лазать, — пообещал он Мурке.

Но пес не успокаивался, и тогда капитан подбодрил его:

— Ничего, Мурка! Вот попадем в Северном море в ад и отправимся на тот свет!..

Шторм не унимался а все нарастал. Северное море показывало свои зубы. Корабль очень мотало.

Утром у Мурки началась морская болезнь. Мы уже успели поставить кресло на место и привинтить его. Под ним-то и устроился больной Мурка. Он обхватил лапами ножку кресла, уперся спиной в железный прут, и, как бы сильно ни качало корабль, ему все-таки удавалось удержаться на месте. Железный прут и четыре ножки кресла — лишь в них была для Мурки единственная надежная защита от шторма.

Нет ничего более жалостного, чем собака, страдающая морской болезнью. В глазах ее такая печаль и такая мольба о помощи! Хвост безнадежно обвис, и ни один звук не мог бы заставить ее насторожить уши. Она не ест. Лишь усталым тьяканьем просит пить. Разговаривать она не умеет, и потому ей не с кем поделиться своими горестями и переживаниями. Она лишь хочет, чтобы ее не оставляли одну, чтобы поблизости кто-то находился.

Нас трепало в Северном море два дня. Волны высотой с дом молотили маленький траулер, державший твердый курс к Норвежскому морю, на север, туда, где нас ожидала сельдь и бесконечный полярный день. Многие из тех, кто впервые плыл в Атлантику, страдали вместе с Муркой.

Но, как только шторм начал успокаиваться, Мурка стал постепенно оживать. Он уже настораживал временами уши, задирает хвост крючком и был даже не прочь подраться. А затем вдруг шумно потребовал еды.

Когда он впервые после болезни вышел на палубу, то посмотрел на огромное, безбрежное и солнечное море пристально и почтительно. Ведь оно как-никак нагнало страху даже на него — смелого и бесшабашного пса.

Впоследствии нам доставалось и посильнее. Но Мурка больше не страдал морской болезнью. При сильном ветре и при буре он лишь предпочитал не выходить на палубу, а спать в каюте. И правильно делал. На палубе сразу можно было получить по загривку. А собаки, как и дети, не любят, чтобы их колотили, да еще обливали при этом холодной и соленой водой.

Мурка, работа и сельдь

А теперь поговорим о том, как ловят сельдь.

Что это такое сельдь?

Хоть сама она редко заходит в Балтийское море, тем не менее ее близкая и дальняя родня живет у самого нашего порога: в эстонских проливах, в Рижском и Финском заливах. Ребята на побережье иногда поют песенку:

¹Селедка,
Не плачься,
За салаку
Спрячься!

В этой песенке есть доля истины. В эстонских водах обитает очень близкая родня селедки — вьюнковая салака, которая вырастает порой до таких размеров, что селедка средней величины вполне может за ней спрятаться. Да и обыкновенная салака, которую эстонцы едят чуть ли не каждый день, может гордиться своей родней, живущей у берегов Норвегии и в Атлантике. И даже килька, эта крошка с плоским тельцем и

острым носиком, может протянуть атлантической сельди свой плавничок и пискнуть: «Здравствуй, тетя!»

Но селедка, которую мы покупаем в магазине, обычно ловится у берегов Норвегии или Исландии. Называется она или королевским заломом, или исландской, или норвежской сельдью. Иногда же мы покупаем маленькую жирную и очень сочную селедку, называемую шотландской. Ее ловят южнее — неподалеку от Шетландских островов. Туда в последнее время особенно часто заглядывают польские рыбаки. А то еще существует крупная и дорогая сельдь с очень белым мясом — беринговская. Ее ловят в холодных и опасных водах Берингова моря. Водится сельдь и в Каспийском и в Черном морях. Словом, семейство сельдей очень обширно.

Места нашего лова находятся в Норвежском море — между Исландией и Норвегией, а также в северной части Атлантического океана — между Исландией и островом Ян-Майен. Ловим мы королевский залом.

В Северной Атлантике советские рыбаки ловят сельдь преимущественно дрейфтерными сетями. Высота каждой сети 10—12 метров, ширина 30 метров. Летними вечерами в воду опускают сразу по сто, по сто десять сетей, так что весь этот хвост растягивается за кораблем километра на три. Все сети прикреплены снизу к толстому канату-вожаку и образуют общий, так называемый дрейфтерный порядок. Вожак достаточно прочен, чтобы можно было не бояться разрыва. Правда, во время сильных штормов бывает, что и такой канат, толщиной в руку, обрывается. Это большая беда. Пропадает

несколько десятков сетей и несколько сот метров каната. Разыскать сети, унесенные бурей, почти невозможно.

В летние месяцы сети опускают на глубину от 5 до 30 метров.

Как же ловят сельдь? Как узнают, по какому квадрату океана она движется, в каком направлении и на какой глубине?

Тут есть два помощника — радио и моноскоп. С самого утра радист и капитан сидят в радиорубке и передают сведения о ходе лова флагманскому судну. А с ближними кораблями связь осуществляется при помощи радиотелефона. Траулеры сообщают флагману свой номер, номер квадрата, в котором они находятся, направление сетей, число сетей, температуру воды, глубину, на которую опущены сети, как глубоко движется рыба, сколько ее в каждой сети и сколько выловлено за весь день. В эфир посылаются цифры, цифры и цифры. С помощью этой радиоразведки капитан и радист находят место рыбьих косяков, узнают о направлении их хода, о скорости хода. По этим данным приблизительно намечают следующее место лова. Радио — верный и незаменимый помощник моряков, радист — это уши и голос корабля.

Когда же траулер отправляется к новому месту лова, за работу принимается второй помощник рыбаков — моноскоп. Этот аппарат так же, как и эхолот, действует по принципу отражения звука. У моноскопа имеется большой зеленый экран, перерезаемый сверху донизу белой светящейся полосой. По краям этой полосы стоят цифры: 5, 10, 15, 20, 25 и так до 600. 600 метров — это та предельная глубина, на

которой моноскоп еще может обнаружить рыбий косяк. Если под плывущим траулером появится косяк сельди, то посылаемый моноскопом звук наткнется на него и, отраженный, вернется обратно, а светящаяся полоса расплывется в одном месте, словно белая шляпка гриба. Расплывется около цифры, обозначающей расстояние в метрах от косяка сельди до киля судна. Даже самый неопытный глаз сумеет безошибочно определить эту глубину, а опытный сумеет еще довольно точно узнать по форме и размерам грибной шляпки и величину косяка. Ту же задачу выполняет и эхолот, определяющий глубину моря и даже зарисовывающий на бумаге, если нужно, рельеф дна. Эхолоты сельдяных траулеров действуют до глубины 1200 метров. Средняя же глубина Норвежского моря 1900—2000 метров. Звук здесь не достигает дна, но все же помогает определить, на какой глубине плывет косяк сельди, с той же точностью, что и моноскоп.

И вот наш траулер плывет по морю. До квадрата, где следует вести лов, осталось еще несколько десятков миль, а на экране моноскопа где-то между 15 и 20 метрами уже расплываются шляпки светящихся грибов, да и на круглой шкале эхолота вспыхивают у тех же цифр красные молнии — сигналы о косяках сельди под нами. За ними напряженно следят: надо узнать, то ли это разрозненные стайки, то ли крупный косяк. Но яркие шляпки продолжают появляться и пропадать, а эхолот по-прежнему озаряется красными молниями. Корабль замедляет ход и начинает кружить по волнам, пока с мостика в машинное отделение не отдается команда:

— Стоп!

Сети подготовлены к спуску в воду, и траулер идет «малым вперед». За борт летит концевой буй, привязанный к сети, а затем весь порядок начинает тихо скользить через поручни. Одна за другой погружаются в море сто сетей, за кормой вытягиваются в ряд темные покачивающиеся буйки. Перед тем как сбрасывается последний буюк, корабль поворачивается кругом, канат скользит по борту от кормы к носу, а затем натягивается, словно скрипичная струна. Трехкилометровый порядок сетей тянется за кораблем, который плывет кормой вперед, носом назад. Потом мотор умолкает и винт перестает крутиться. Начинается дрейф, длящийся до утра. При сильном ветре или быстром течении дрейфующий корабль может пройти за ночь до 30 миль.

Затем команда сгружает в трюм дневной улов, достает бочки и соль для засола будущего улова и драит палубу. Корабль должен быть чистым.

Поздний вечер. На горизонте покачиваются черные корпуса сельдяных траулеров, мелькают там и сям судовые огни. Прислушиваешься к свисту ветра и задумываешься о своем доме, о милых тебе людях, о друзьях.

Это час отдыха на траулере. Люди собираются в кают-компанию, достают шахматы и карты, играют в них с большим азартом. Затеваются споры, которые порой доходят до ссор, но всегда кончаются примирением. Многие читают. Вообще надо сказать, что моряки очень начитанный народ. Они знакомы не только с математикой и астрономией, но и со многими вещами, не имеющими никакого от-

ношения к мореплаванию. Кроме прочитанных всеми книг Пушкина и Гоголя, Вильде и Таммсааре¹, Маяковского и Горького, тут есть литература и по истории, и по философии, и по воспитанию детей, и по садоводству, и по травосеянию. Есть «Книга о вкусной и здоровой пище», справочник автолюбителя, пособия по собаководству, по изучению тракторов и комбайнов. Все это прочитывается в часы дрейфа или во время шторма, когда лов прекращается.

По времени уже ночь. Но по-прежнему светло, поскольку сейчас июнь и мы находимся примерно на шестьдесят пятой широте. Смеркается всего на

¹Вильде Эдуард (1865—1933) и Таммсааре Антон (1878—1940) — известные эстонские писатели.

полчаса. К этому свету, к этому длинному дню поначалу никак не удастся привыкнуть.

Постепенно кают-компания пустеет и на судне становится тихо. На сумеречных волнах за кормой спят бесчисленные чайки из той породы, что называются клушами. Это ленивые и жирные птицы, питающиеся выбрасываемыми в море потрохами сельди. Они ждут утра. Нередко всего в нескольких метрах от корабля из воды показывается широкая и темная спина финвала — сельдяного кита. Плавник на нем высотой в метр.

Команда спит. Лишь вахтенный штурман стоит на мостике и следит за сетями.

А под серой гладью воды плывет сельдь. Должна плыть, если верить данным радиоразведки и показаниям моноскопа. Штурман смотрит, какова осадка буев. Если совсем мелкая и если буи кружатся — значит, рыбы мало, а то и вовсе нет. Если же буи сидят глубоко в воде, то можно быть уверенным, что тысячи и тысячи рыб тычутся носами в ячеи сетей. И тогда утром рыбацкая душа порадует-ся. Но, может быть, моноскоп нас обманул. Ведь, несмотря на всю свою мудрость и точность, он только прибор. Звук с равным успехом отражается и от косяка сельди, и от стаи очень противных, студнеобразных медуз, которых так много в Северной Атлантике. А там, где есть медузы, там нет сельди. Рыбаки ненавидят медуз, потому что их слизь очень ядовита. От нее на руках и запястьях, даже несмотря на непромокаемые нарукавники и брезентовые рукавицы, появляются болезненные кровоточащие язвы. Они долго не проходят и мешают работать.

Утро вечера мудренее. В шесть часов утра звонит сигнал аврала¹. Подъем. Палуба гудит от тяжелых морских сапог. В половине седьмого — завтрак. Начинает работать главный мотор, корабль пронзывает легкая дрожь. Люди занимают на палубе свои места. Мощная лебедка крутится и наматывает канат. И вот в прозрачной воде, озаренной лучами еще низкого солнца, показывается первая сеть. И когда становится отчетливо видно, что в верхней части сети висят в ячеях одинокие сельди, а средняя вся бела от рыбы, — в этот момент словно какой-то толчок проходит по толпе на палубе. Все напрягаются; рыбный мастер и его помощник подкатывают поближе бочки; потрошительщики подходят к рыбо-разделочному столу, а остальные рыбаки берутся за сеть и вытрясают на палубу первую рыбу. Да, это зрелище!

В этот самый миг с кормы на палубу врывается серовато-бурый пес и приветствует нас с добрым утром. Затем он обегает всех своих друзей и добрых знакомых, после чего усаживается, словно адмирал, на своем повседневном рабочем месте — на якорной лебедке, покрытой брезентом.

Мурка вышел на работу.

¹ Аврал — общая работа на судне всей командой.

Соль в глазах

Начались трудовые будни рыбаков. Будни эти однообразные и тяжелые. Если лов удачный, они длятся по двадцать четыре часа без передышки. Но если рыбы нет, то все равно приходится выбирать из воды сети, а на это уходит семь-восемь часов напряженной работы.

Как радостно вытягивать на борт сеть, в которой много рыбы! Тогда, правда, работа становится намного тяжелее, приходится напрягать все силы. Волны качают корабль, палубу нередко заливают водой, и от рыбьей чешуи она делается скользкой. Люди падают, сталкиваются друг с другом, ударяются о поручни. Они ругаются и шутят, но дело спорится. Когда палуба становится слишком уж скользкой, ее посыпают солью, которая заменяет песок. Но в любую погоду — и в полный штиль¹, и в самую противную мертвую зыбь², и в семибалльный ветер — день хорошего

¹Штиль — полное затишье на море.

²Зыбь — мелкое волнение на море без ветра; мертвая зыбь — волнение в море, продолжающееся после бури при штиле, без ветра.

улова для рыбаков всегда праздник! Вращающийся вал медленно втягивает на палубу голубоватую сеть. Она перекрутилась во многих местах и кажется узкой, отчего сперва чудится, будто она битком набита рыбой. Но когда люди расправляют ее руками во всю ее десятиметровую ширь, то выясняется, что сельди не так уж много. Опытный мастер лова определит на глаз, сколько тут рыбы. Четверо матросов стоят у рыборазделочного стола по колени в рыбе и ножами отрезают сельдям головы. Рыбный мастер едва успевает засаливать свежий улов. Бочки соленой сельди тут же заколачивают и откатывают в сторону. Словом, знай лови да не спеши радоваться!

А чайки рядом с кораблем дерутся из-за селедочных голов и потрохов. Чаек слетается столько, что за бортом все белым-бело; от пронзительного крика птиц звенит в ушах. До чего же они жадные! Могут ссориться и воровать друг у друга добычу, но других птиц и близко не подпустят.

Вот, например, кружит поодаль странная птица: темно-бурого цвета с длинными изящными крыльями, украшенными двумя светлыми полосами. Она намного крупнее чайки. Судя по сложению — хорошо летает. И наверняка сумела бы отнять голову или потроха у одинокой чайки. Матросы называют эту птицу «солдат». У чаек очень своеобразная тактика защиты от «солдата»: едва тот, прежде чем опуститься за добычей, сделает круг над стаей чаек, как они все сплываються друг к другу, и оказывается, что «солдату» некуда сесть. Он все кружит, но только высмотрит новое местечко, как повторяется та же история. Чайки прямо-таки бегают по

воде и ужас как кричат! Они всегда успевают занять местечко, облюбованное «солдатом», и тот в конце концов опускается в стороне от корабля, где ему не перепадает ни кусочка. В этом необычном и занятом морском бою чайки благодаря многочисленности всегда одерживают верх над бесстрашием и упорством «солдата».

Лов продолжается. На палубе уже 2—3 тонны неочищенной сельди. Море дает ее больше, чем успевают обработать потрошители.

А за всем этим наблюдает Мурка со своего поста у якорной лебедки. Его не интересует, есть рыба или нет. Селедку он не ест, терпеть ее не может, и даже трепыхающаяся на палубе рыба привлекала его внимание лишь в первый день. Его главная забота — следить за тем, как на вал носовой лебедки наматывают толстый канат. Случается, что сеть разгружается недостаточно быстро и лебедку приходится останавливать. Мурку очень тревожат такие задержки: почему не наматывают канат, почему его друзья бездельничают, разве на корабле так работают?

Мурка срывается с насиженного места, с сердитым лаем скребет лапой по мокрому канату, пытается тащить его зубами. Но он слишком тяжел для собаки. Это сердит Мурку. Он разбегается, налетает на канат и повторяет это до тех пор, пока лебедка не начнет вытягивать из воды новую порцию рыбы. Лишь после этого Мурка успокаивается и, задрвав хвост, опять вскакивает на якорную лебедку.

Мурка относится к работе с уважением. Он знает: когда забрасывают и выбирают сети, бегать по палубе не дело, нога может запутаться в них, и он

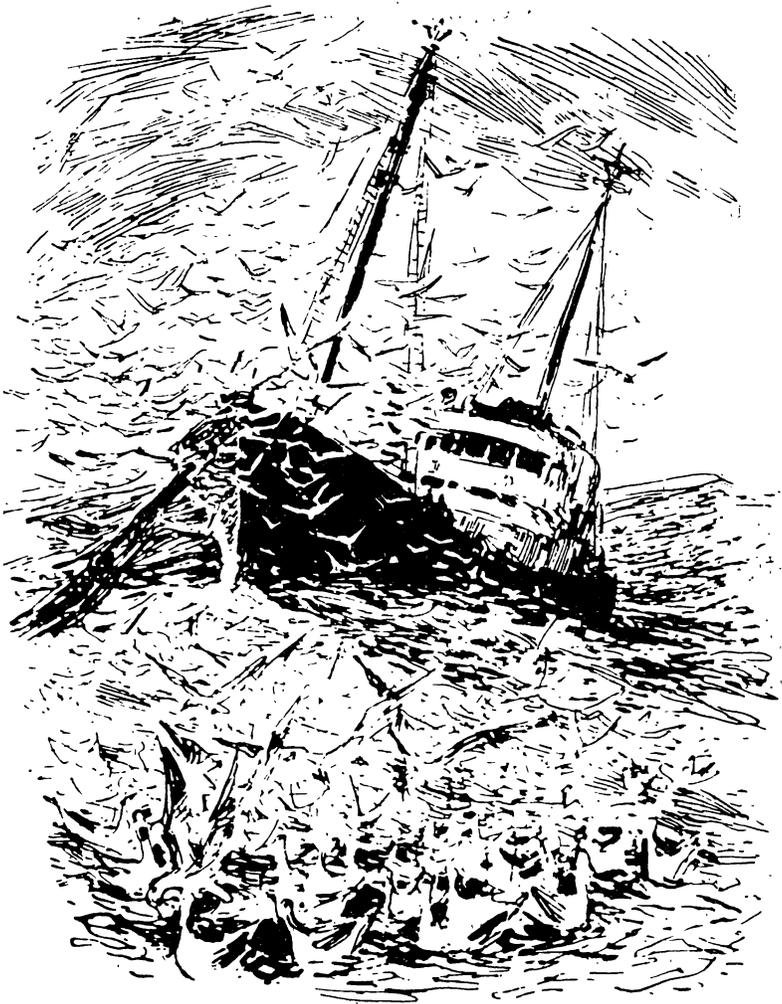
попадет вместе с сетью за борт, и тогда уж никакая сила его не спасет. А при выборе сетей напастей¹ еще больше: могут придавить бочкой лапу, наступить сапогом на хвост, а то вдруг шальная² волна швырнет на поручни. К тому же какая собаке радость — бегать по заваленной сельдью мокрой палубе, пахнущей медузами и солью? Во время работы каждый должен быть на посту и заниматься своим делом. Мурка уже знает, что шнырять по палубе, посыпанной солью, дело опасное. Знает это по весьма печальному случаю, из-за которого моряки чуть не перессорились.

Произошло это в первую неделю лова в 150 милях к северу от Фарерских островов. Стояла на редкость безветренная погода, рыбы было мало, и, как уж это водится в дни рыбацкого невезения, настроение у команды сильно испортилось. Работы хватало лишь одному потрошительщику. Вытягивая на палубу пустую сеть, люди мрачно молчали, больше не раздавалось шуток, никто не посмеивался друг над другом. Над океаном низко навис молочный туман, скрывший линию горизонта. Казалось, что мы плывем по огромному ушату с молоком. Но, несмотря на безветрие, траулер безжалостно трепала послештормовая зыбь. У зыби нет ни вспененных волн, ни острых гребней. На воде незаметно возникает какой-то плоский холм. Он с такой большой тяжестью обрушивается на корабль, что тот еле ползет.

В тот несчастный день такие холмы непрерывно

¹Напасть — беда, неприятность.

²Шальная — случайная.

окачивали борт и швыряли траулер с боку на бок. Палубу все время посыпали солью.

Мурке не нравились ни эти медлительные тяжелые удары, ни мокрая палуба, ни захлестывающие ее десятитонные массы воды. К тому же со-

баки очень чутко воспринимают настроение людей, угадывают его по взгляду, по голосу, по жестам. Мурке не нравились мрачные лица и молчание, лишь изредка нарушаемое сердитым словом. Что ж, и море и небо выглядели невесело, да и работать в тот день было трудно и безрадостно.

Хоть добросовестный Мурка и появился утром на своем сторожевом посту, все же ему скоро стало скучно и он решил вернуться к себе в каюту. Как опытный моряк, он выждал затишья между волнами и, соскочив с лебедки, побежал на корму по палубе, посыпанной свежей солью.

Я как раз сидел в каюте и писал, когда Мурка принялся скрестись в дверь, жалобно скуля. Я открыл ему. Мурка вошел и завертелся по каюте, словно слепой, а потом неуклюже вскарабкался на диван, положил голову на подушку и закрыл глаза лапами.

Я не обратил внимания на такое странное поведение пса. Решил, что он просто устал и хочет поспать. Я продолжал заниматься своим делом, а лежавший на диване Мурка тер лапами глаза, и чем дольше он это делал, тем больше скулил.

Нас позвали обедать. Время обеда всегда было для Мурки самым беспокойным. Хотя в коридоре ставили для него миску, он все-таки без конца носился по кают-компани. Пока на корабле было свежее мясо, всякий раз за обедом из-за всех трех столов то и дело слышалось:

— Мурка! Мурка! Кость!..

Мурка мчался за новой костью, но тем временем кто-то прятал старую. Мурка начинал искать ее под столами, пробираясь меж больших морских сапог.

Его интересовала не столько кость, сколько охота за нею. На эту охоту он тратил без остатка всю энергию, накопленную за время, которое просиживал до обеда на палубе. В этой чудесной игре можно было и рычать, и скалить зубы, и вилять хвостом, и пускаться на разные уловки — словом, применять всю свою собачью хитрость. Крик «Обедать!» был для Мурки сигналом тревоги, по которому следовало сломя голову мчаться в кают-компанию.

Но сегодня Мурка даже не шевельнулся. Я окликнул его дважды, но он лишь тявкнул в ответ, что означало: «Дай попить!»

Я принес воды. И, когда Мурка начал пить, я увидел, что с ним что-то неладно. Пса было не узнать. Я не сразу понял, в чем дело. Лишь после того, как он провел лапой по глазам, я заметил, что глаза у него опухли, гноились и, видно, болели от света. Он с большим трудом приоткрывал их чуть-чуть и тут же закрывал снова.

Мурка напился, а потом снова улегся и продолжал тереть глаза. Он был почти слепой, и я не знал, как ему помочь. Оставив его на диване, я пошел в кают-компанию обедать.

Кок угостил нас в этот день последней свежей рыбой. Рыбы, правда, было мало, но костей вполне достаточно. И уже минуты через две кто-то крикнул:

— Мурка, кости!

Но Мурки не было.

— Где же собака? Тут ей столько поживы! Где Мурка? — посыпались вопросы.

— Мурка заболел, — сказал я.

— Морской болезнью?

— Нет. У него что-то с глазами. Очень сильно опухли. Пес почти ничего не видит.

— Но на палубе он был совсем здоровый, — сказал матрос, рядом с которым Мурка сидел обычно во время работы.

В кают-компании воцарилась тишина. Ведь Мурка дружил тут со всеми — с одним больше, с другими меньше. К нему всегда протягивался с десяток рук: погладить его, поиграть с ним, дружески подразнить, угостить чем-нибудь. Он всем напоминал о суше и о детях, которые где-то вдали резвятся с собаками на зеленом лужке. Никто не смел обидеть Мурку, каждый считал своим долгом защищать его. И вдруг — почти слепой...

Кто-то принес Мурку на руках в кают-компанию, и мы принялись обследовать его глаза. Они еще больше опухли и покраснели, еще больше боялись света. Пес, которого передавали с рук на руки, страдал от боли, хоть ни один врач не обходился так бережно со своим пациентом, как обходились с Муркой эти пропахшие селедкой рыбаки в высоких, до самых бедер, морских сапогах.

Но из-за чего же так внезапно и так сильно опухли глаза у Мурки? Этого никто не мог объяснить.

— Какая-то свинья насыпала ему что-то в глаза! — сказал наконец старший матрос, угрюмый татарин.

Обвинение было нелепым. Кто из двадцати шести человек на судне сделал бы такую вещь? Но трудно было объяснить случившееся по-иному, тем более что был и предполагаемый виновник — один член команды, которого пес почему-то не выносил. Играя с Муркой в начале плавания, моряк этот

раза два причинил ему нешуточную боль. А пес не простил этого моряку. И укусил его за руку, когда тот опять было затеял с ним игру. С тех пор матрос невзлюбил Мурку, да и Мурка — матроса. Собаки не выносят тех, кто сделал им больно и кто их боится.

Сейчас матрос отпирался, а все остальные нападали на него:

— Скажи, зачем ты так сделал? А если бы тебе пришлось ковылять по палубе почти слепым?!

— Чем ты засыпал глаза собаке?..

— Идите вы к дьяволу! — рассердился обвиняемый. — Ничем я не засыпал ему глаза!

Атмосфера накалялась. Но ее разрядил мастер лова, старый морской волк. Он взял собаку на руки, присмотрелся внимательно к ее глазам и сказал лишь одно слово:

— Соль!

Конечно же, всему виной была соль. Просто Мурка бегал по палубе, когда ее посыпали солью. Он сам и втер ее лапами в глаза.

Это было ясно. Нам всем стало стыдно перед матросом, на которого мы кричали. Но в то же время стало и легче, как бывает всегда, когда оказывается, что ты напрасно обвинял близкого человека в некрасивом поступке. Все вдруг начали разговаривать громко и оживленно. А Мурке промыли глаза, и уже к вечеру опухоль спала.

С тех пор он стал во время качки осторожнее бегать по палубе, когда она бывала посыпана солью. Люди отгоняли его от тех мест, где было особенно много соли. А если он все же нечаянно попадал туда, ему сразу отмывали лапы.

Но, как правило, в ненастье Мурка большей частью устраивался в каюте или на мостике. А если и выходил на работу, то терпеливо сидел на якорной лебедке.

«Раз уж ты на службе, так сиди на месте и никому не мешай!» — это правило Мурка усвоил твердо.

Мурка, чайка и морской черт

Впрочем, настоящая работа у Мурки началась после того, как все сети бывали подняты на борт и вся сельдь засолена. Тогда Мурка становился центром внимания, и тут наиболее ярко проявлялись все плохие и хорошие свойства его характера.

Сначала он показывал себя с лучшей стороны.

Лишь смотри и удивляйся, до чего воспитанна эта собака!

Вот один из друзей Мурки снял ватник и, подложив его под голову, растянул на люке. Мурку тоже одолевает сон после сытного обеда, и потому, вскочив на люк, он зубами вытягивает из-под головы приятеля рукав ватника, кладет на него голову и нежится на прохладном северо-атлантическом солнце. Солнечная ванна принимается в течение десяти минут. Затем Мурка пытается разбудить матроса, уже успевшего

уснуть. Он кладет лапу ему на руку, потом на грудь и долгим взглядом смотрит в лицо спящему. Поскольку друг все еще спит или притворяется, что спит, пес издает обиженное рычание и отправляется искать себе какое-нибудь другое занятие.

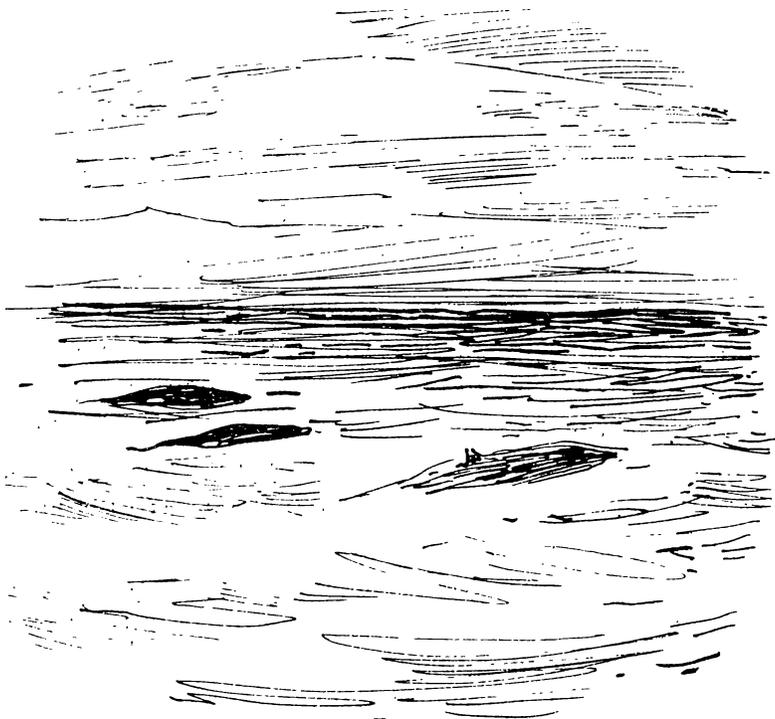
Мурку одолевает вдруг страсть к работе и желание кому-то помочь. Например, своему старому и очень хорошему другу — мастеру лова, который чинит сети. Надо притащить в зубы и бросить к его ногам все, что попадется на палубе и в каютах: шапку уснувшего матроса, обрывок каната, брезентовую рукавицу, крепежный болт, украденное на кухне полено, подобранную в салоне игральную карту — словом, все, что, по мнению пса, может пригодиться мастеру при починке сетей! И Мурка всюду шныряет да вынюхивает. Когда больше ничего интересного не находится, Мурка присаживается у ног своего друга и, склонив голову набок, посматривает на него одним глазом. Ну похвали же меня! Мастер лова хвалит Мурку. И пес доволен.

Вдруг перед его носом падает на палубу канат и, резко вильнув, начинает, извиваясь, куда-то уползать. Его тянет матрос, который спрятался за бочку. Мурка тотчас вцепляется в канат и, упершись четырьмя лапами в палубу, прилагает все усилия к тому, чтобы помешать этому непонятному движению неодушевленного предмета. Уж и рычит же он, уж и сердится на этот удивительный канат! Матрос останавливается, но Мурка не сводит с каната настойчивого взгляда, пока он снова не начинает шевелиться. Пес опять вцепляется в него и продолжает сражаться. Нелегкое это дело — следить за судовым добром.

Но потом Мурка обнаруживает за бочкой спрятавшегося матроса, и приступ трудолюбия проходит.

Начинается отчаянная беготня по палубе. Ну, бочки, берегитесь!

Мурка преисполнен жажды мщения и желания поиграть, а поймать матроса, этого молодого шутника, не так-то просто. Собачий лай раздается то с носа, то из-за якорной лебедки, то из коридора на корме. Вот матрос взбегаёт по трапу на кормовую палубу и прячется за спасательными шлюпками. Но и Мурка, уже научившийся лазать не хуже кошки, тоже не отстает. Слышно, как скребут по железным перекладинам его когти, и затем против-

ники встречаются лицом к лицу. Справедливость торжествует, порядок восстанавливается. Мурка и матрос спускаются вниз вместе, как хорошие друзья.

На палубе становится тихо — спозаранок поднявшиеся матросы прилегли отдохнуть в своих каютах. А пса одолевает беспокойство. Что бы еще предпринять?

И Мурка отправляется на мостик. С тех пор как он утащил карту, прошло две недели, старые грехи прощены ему, и он больше не пытается проникнуть в штурманскую рубку. Поэтому ему разрешается

подниматься на мостик. Ну, не то чтобы разрешается... Да что тут поделаешь, если пес все-таки придет, придет без всякого шума, не устраивая никакого беспорядка, а лишь заискивающе озираясь по сторонам? Не выгонять же его... И Мурка поднимается на мостик с чинным выражением и с затаенным в душе коварством маленького бесенка. Он ложится у ног вахтенного штурмана, сидящего на откидном стуле, расположенном между штурвалом и телеграфом. Штурман глядит в иллюминатор, круглое стекло которого во время туманов и штормов вращается при помощи особого механизма со скоростью трех тысяч оборотов в минуту. Все другие иллюминаторы бывают иногда затуманены брызгами воды или снегом, но быстро вращающееся стекло остается чистым, чтобы штурман мог всегда вести свои наблюдения.

Поначалу и пес и штурман молчат, но затем последний грозно восклицает:

— Мурка!

Молчание.

— Мурка! — вновь произносит после паузы штурман с притворным негодованием.

Оказывается, лежащий на полу Мурка увидел перед собой знакомый полуботинок, у которого он уже не раз отдирали подошву, и решил проверить, крепко ли ее пришили. Оказалось, что не очень крепко, и Мурка обрадовался. Не только непосредственность гонит Мурку на мостик, но и кое-что по-настоящему, посерьезнее. Он во что бы то ни стало хочет посидеть на откидном стуле штурмана и полюбоваться с высоты мостика ширью океана. Добиться этого можно только добром. И Мурка, ко-

торый уже немного отвел себе душу — ведь подошва отстала от полуботинка, — становится добреньким-добреньким. Он скулит, он ноет, он ерзает, а лапы его просительно тянутся к откидному стулу. Он всячески дает понять, что раз и навсегда оставит свои проказы, если ему дадут сегодня посидеть на штурманском месте.

И минуту спустя мы видим следующее. Рулевой стоит у штурвала, штурман — у телеграфа, а на откидном стуле восседает, словно король, Мурка. Он уперся лапами в раму иллюминатора, изогнул хвост кренделем и знай поворачивает голову то направо, то налево. Он смотрит вниз на палубу, но, так как там никого нет, снова переводит взгляд на океан. А там и смотреть не на что. Вокруг корабля, правда, плавают три кита. Они ныряют и затем показываются у самого борта, потом отплывают и опять подплывают ближе. Но эти создания не интересуют Мурку. Он, очевидно, не верит, что эти черно-серые горы могут быть живыми существами.

Мурка сидит на штурманском стуле с важным и умным видом. Он сознает свое значение и целых пять минут соблюдает достоинство. Но вдруг соскакивает со стула и громогласно требует, чтобы его пустили вниз.

Что случилось? Оказывается, над кораблем пролетело несколько чаек. И вот Мурка уже носится с лаем по палубе.

Если Мурку и интересует что-либо за бортом судна, так только эти птицы. Но от них одно расстройство. Они всегда пролетают мимо, и в такой заманчивой близости, что лишь подпрыгни вовремя — и ухватишь птицу за хвост. Только подпрыгивать

пришлось бы над водой, а Мурка на это не отваживается. Он ждет более подходящего случая. Надеется, что когда-нибудь чайка пролетит над палубой низко-низко, и тогда удастся цапнуть ее за перепончатую лапу.

Такой случай не подвертывается, но Мурка не теряет надежды. Кроме того, он пытается подманывать птиц: положит голову на лапы и притворится спящим. Но глаза его чуть приоткрыты. Чайки летают совсем рядом, у самого борта. Будь и у них такой же интерес к собаке, тогда бы все было в порядке. Но этих глупых птиц совсем не занимает странное и мохнатое четвероногое, часами не сводящее с них влюбленного и тоскливого взгляда. Оно вовсе не похоже на обитателя моря.

Мурке так и не удалось поймать чайку. Лишь пришлось испытать, до чего злобна и воинственна эта птица, умеющая постоять за себя и за неприкосновенность своего хвоста. Оказалось, что чайки не понимают шуток.

Но чайку поймать можно. Надо только взять для этого обыкновенный рыбный сачок и постоять с ним у поручней неподалеку от кормы, у того люка, с которого сбрасывают в море селедочные потроха. Хоть предусмотрительные чайки и держатся на почтительном расстоянии от корабля, все же иные из них оказываются порой настолько глупыми и жадными, что подлетают к самому кораблю, чтобы получить свою долю раньше других. Тут-то и надо сразу поддеть чайку сачком, и она замрет в нем, словно курица в кошелке. Чайка способна взлететь только с воды. По палубе она перебирается с трудом: ее ноги слишком слабы для такого жир-

ного тела. А о том, чтобы взлететь, и разговору быть не может.

Таким способом и поймали чайку для Мурки. Уж и радовался он сначала! Носился вокруг птицы и подступался к ней все ближе, норовя ухватить ее покрепче. Но клюв злобно кричавшей птицы непонятным образом оказывался всегда нацеленным на собаку. Мурка плясал вокруг птицы, временами вытягивал к ней свою морду и даже пытался потрогать лапой. Но острый клюв бесстрашной чайки заставлял его отступать подальше.

Наконец Мурка рассердился, кинулся в лобовую атаку и попробовал схватить чайку за шею. Но после первой же попытки отскочил с жалобным воем: крепкий клюв ударил его прямо по носу. Так ударил, что задранный хвост Мурки сразу вытянулся, как стрела, а потом повис. Но, едва боль прошла, Мурка сделал новую попытку, на этот раз более осторожную. Однако теперь чайка не стала пятиться, а заковыляла навстречу псу и снова клюнула его в нос.

Тем же закончилась и третья атака Мурки. Но он, не желая показывать перед людьми своего поражения, по-прежнему вертелся вокруг чайки. Только круги его становились все шире и шире. Пес делал вид, что эта злая птица с пронзительным, противным голосом совсем перестала его интересовать, что собачье достоинство не позволяет ему заниматься дальнейшим сведением счетов с крикливой пришелицей.

И, отправившись в кают-компанию, Мурка улегся там на стуле. Время от времени он трогал лапой свой нос и вспоминал о проигранном сражении.

Все же следует сказать, к чести Мурки, что он и после продолжал преследовать чаек с прежним упорством. Видно, надеялся, что не все они такие отчаянно злые и упрямые, как та, которую поймали черпаком. Она была исключением, а вот если он сам сумеет поймать какую-нибудь, то...

Но вскоре Мурка убедился, что все кажущееся за бортом таким интересным и занятным, на палубе оказывается драчливым и опасным. Если после сражения с чайкой он еще мог делать вид, что ничего страшного не произошло, то встреча с морским чертом испугала не только пса, но и нас. Было это так.

В сравнительно тихую погоду мы выбирали сети. Улов был небольшим, особенно в последних сетях, которые закинули слишком глубоко и косяки проплыли поверх них. Но, когда на палубу извлекли последнюю сеть, все заметили, что в самом низу ее запуталось какое-то черное страшилище с белым брюхом. Длинной оно было едва ли с метр, то есть короче атлантической трески, но очень массивное и тучное, а кроме того, как-то странно поблескивавшее. Когда низ сети подтянули к борту, страшилище начало биться.

Я побежал в каюту за фотоаппаратом, но он оказался незаряженным. Я как можно скорее вставил новую пленку и вернулся на палубу.

Страшилище тем временем извлекли из сети и бросили на люк. Вся команда стояла вокруг и смотрела на него. Оно оказался рыбой, чрезвычайно редко попадающей в сельдяные сети. Эту рыбу называют морским чертом.

За всю свою жизнь я не видел более отврати-

тельной твари. Морской черт был очень велик — килограммов на двадцать. У этого ненасытного пожирателя сельди огромная, по сравнению с телом, голова — голова свирепого обжоры. На редкость уродливую голову перерезает чуть ли не пополам

большой рот, полный длинных, крепких зубов, острых, как иголки. На голове торчат два тупых боковых плавника. Кажется, будто у них спилены концы. У черта толстое брюхо, а хвостовая часть тоненькая и на вид слабая. Он лишен рыбьей стройности, гибкости и красоты.

И вот это страшилище глубоких вод лежало на палубном люке. Рот рыбы был разинут, жабры открывались и закрывались. Она била по брезенту своим жидким хвостом. Плавники двигались вяло.

Тут появился Мурка. Он протискался сквозь толпу, увидел морского черта и весь ошетинился. Ему стало страшно, и это его рассердило. Мурка обошел вокруг люка и опять начал приближаться к морскому черту. Он остановился прямо перед ним и уставился в его зубастую пасть. А потом залаял хрипло и нервно. Еще миг — и Мурка накинулся бы на рыбу, издававшую незнакомый запах. Но неожиданно морской черт опередил его.

С непостижимой быстротой он весь вдруг сжался, затем подбросил свое массивное тело на целых полметра. И, шлепнувшись обратно, подскочил снова. Даже люди, вздрогнув, отступили назад. В этом подскакивании было столько силы, злости и агрессивности, что никому не хотелось оказаться слишком близко от черта.

Мы не знали, что с ним делать, и решили бросить его в море. Но при всей нашей осторожности черт все-таки успел глубоко поранить руку одному матросу. Мы смотрели, как рыба уходит вглубь. Даже после того, как черт опустился метров на двадцать, сквозь воду еще пробивалось его фосфорическое свечение.

Мурка же, едва морской черт подскочил на люке, с воем удрал с палубы. Потом мы нашли его в кают-компании под столом. Пес дрожал и жался к людям. И раньше чем через два часа он так и не осмелился выйти опять на палубу. Даже на следующий день пес со страхом поглядывал на люк, с которого хотел взлететь морской черт.

Действительно, все, что представляется за бортом интересным, оказывается потом довольно опасным.

Я два раза сфотографировал черта. Но снимки не вышли. Хоть пленка обычно и запечатлевает все лица и рожи без разбору, все же, очевидно, и у нее есть какая-то стыдливость. Уродливость черта превосходила все дозволенные границы, и пленка воспротивилась.

Расставание и встреча

Срок моей командировки истекал. Надо было возвращаться в Таллин. Наш радист следил за радиопереговорами между кораблями, чтобы узнать, какой из них собирается плыть в нашу отечественную гавань. Наконец ему попался один литовский траулер, которому предстояло идти в Клайпеду. Капитаны судов договорились по радио о встрече и сообщили друг другу свои координаты. Литовец находился где-то неподалеку от Ян-Майена, и мы отправились к нему навстречу. Оба корабля непрерывно поддерживали радиосвязь и корректировали свой курс с помощью радиопеленгаторов.

Я сложил свои вещи. Через несколько часов на горизонте появился быстро приближающийся корабль.

При волне, даже при средней, не так-то просто перейти с корабля на корабль. К счастью, в тот день была на редкость спокойная и солнечная погода. Не

часто мне приходилось видеть океан таким гладким.

Пока суда, маневрируя, сближались, я распрощался с командой. Лишь теперь я полностью осознал, насколько родным стал для меня этот маленький корабль, с какими чудесными и мужественными людьми я прожил два месяца. Жаль было расставаться и грустно.

Все, кто был свободен, поднялись на палубу. Мурка протиснулся ко мне. Он протянул на прощание лапу и твякнул. Но, так как с мостика все время слышались слова команды, он счел за лучшее отправиться туда. Прежде чем исчезнуть в коридоре на корме, он еще раз оглянулся.

Мне стало немного обидно. Не я ли купил его и воспитал как сумел? И сколько еще натерпелся от него! Я, конечно, оставался Мурке другом, но далеко не таким, как капитан и матросы.

Но пес поступил правильно. Ведь он оставался на корабле, чтобы и дальше жить вместе с командой. Тут ему было вольготней, тут всегда было с кем порезвиться. Собаки привязаны к тем людям, которые защищают и любят их. А на корабле заботились о Мурке, любили его.

Я перешел на литовский корабль. Вслед мне кинули мой чемодан. Когда корабли расходились, Мурка сидел рядом с капитаном на откидном штурманском стуле. Я еще долго видел в бинокль его веселую и самоуверенную морду морского разбойника.

Мы снова встретились с Муркой спустя четыре месяца, когда сельдяной траулер вернулся с лова. Капитан сообщил мне радиограммой дату и время

прибытия судна в пярнускую гавань. И я поехал в Пярну.

В тот день бушевал сильный северо-западный шторм. Вода в реке Пярну поднялась очень высоко. Но траулеру все же разрешили войти в порт. Я увидел наш «СРТ» посреди реки. Он качался на воде, рыжий от ржавчины, словно лиса. На его бортах остались вмятины от столкновений с плавбазами. Всюду виднелись следы укусов океана.

После окончания таможенного осмотра судно подошло к причалу. Над ржавыми поручнями я увидел знакомые лица, обросшие бородами.

Мурка стоял на мостике и лаял во весь голос:

«Внимание! Внимание! Я приехал! Гав-гав!»

Но едва траулер пришвартовался, как Мурка соскочил на берег — и какой тут поднялся фонтан земли! Временами Мурка подбегал ко мне, тыкался в мою ладонь своим холодным носом, а потом снова принимался бешено рыть землю. Вскоре он зарылся в нее уже наполовину, вся шерсть его была в земле, да и нос почернел. Пес так давно не видел милой устойчивой суши, что не мог нарадоваться встрече с ней.

Я пошел к каюту.

Насладившись вдоволь рытьем, Мурка вспомнил о капитане. В один прыжок он оказался на палубе и вскоре заскулил у нашей двери. Мы впустили его. Мурка хотел с разбегу вскочить на койку. Понадобилось порядочно времени, прежде чем мы сумели ему втолковать, что такой грязной собаке не место на белой наволочке, и Мурка сердито улегся на свою рогожку.

Он настолько привык к судну, что не мог слишком уж долго интересоваться сушей. Он, правда, выбегал иногда в порт погулять, но довольно скоро возвращался на корабль. Лишь в тех случаях, когда

капитан отправлялся в город, он непременно следовал за ним по пятам.

На следующий день я проходил по улице Калева. И вдруг из одной парикмахерской до меня донесся дикий гвалт. Яростный лай собаки чередовался с пронзительным визгом — сначала одной женщины, потом сразу нескольких. Женщины кого-то в чем-то обвиняли. А какой-то мужской голос, очень мне знакомый, пытался успокоить парикмахерш, но, видно, лишь подливал масла в огонь. Наконец под неумолкающий визг дверь парикмахерской отворилась, и из нее выставили на улицу сперва Мурку, а за ним капитана, сопроводив их не очень добрыми напутствиями.

Я ничего не мог понять, но вскоре все объяснилось.

Капитан хотел побриться. Пока взбивали мыльную пену и правили бритву, Мурка вел себя тихо и прилично. Он лежал у стены и следил одним глазом за тем, что делают с его другом. Но едва тому намылили щеки, как пес предостерегающе зарычал. Когда же парикмахерша, подняв бритву, собралась приступить к бритью, Мурка решил, что этого допускать не следует. Заносить нож над его другом? Это уж слишком! И он ринулся вперед...

— Прямо как бенгальский тигр! — так отозвался об этом скачке капитан.

Но в парикмахерской почему-то не поняли благих намерений Мурки и выставили его вместе с хозяином на улицу.

А я, несмотря на негодующие возгласы, доносившиеся из парикмахерской, лишний раз убедился, что собака в самом деле друг и защитник человека,

хотя порой эта дружба и приводит к мелким неприятностям.

Вот и вся история о Мурке.

Можно бы, правда, рассказать еще о том, как Мурка жил в деревне. Как он лазал по крышам, словно кошка, и забирался туда, куда еще не осмеливалась забраться ни одна собака. Как он плавал. С каким презрением к смерти он вступался за своих друзей...

Да, я мог бы обо всем этом рассказать, но очень грустно описывать подлинные события, заранее зная, что никто в них не поверит.

И потому я кончаю.

1956—1957

Про морские слова

Читая эту книгу, ты встретишь вдруг непонятное слово «лоция». А еще через несколько страниц другое, тоже неизвестное, — «форштевень». Что они означают? Из какого они языка?

Слова эти давно стали русскими. Они вошли в наш язык несколько веков назад, склоняются по правилам русской грамматики, точно так же, как слова «бутерброд, цилиндр, циркуль, паркет» и многие другие.

Разница только в том, что по паркету ты ходишь каждый день, циркуль постоянно лежит у тебя в портфеле, а вот с лоцией и форштевнем тебе не пришлось иметь дела.

Это слова морские. Употребляются они главным образом моряками. Пришли в наш язык из голландского языка. Когда-то голландцы были первыми в мире корабельными мастерами и знаменитыми мореходами. Русские учились у них, перенимая вместе с умением строить и водить корабли и названия различных частей корабля, и слова, относящиеся к кораблевождению.

Л о ц и я — происходит от голландского глагола «лоодсен» — вести корабль. Означает слово «лоция» особую книгу, приложение к карте, где описывается все, что на эту карту нанесено, — море или его часть, мели и глубины, опасности, которые подстерегают в этих местах морехода, подводные камни и рифы, течения и ветры.

Ты уже, наверное, догадался, что от «лоодсен» происходит другое, более знакомое слово — «лоцман». Оно как раз и означает «ведущий корабль». Но зато другое похожее слово «лот» происходит не от этого глагола, а от голландского «лоод» — грузило, кусок свинца. Означает оно прибор или приспособление, определяющее глубину моря. Сейчас эту работу выполняют сложные приборы, а в старину для измерения глубины моря за борт опускали шнур с грузом — от этого и пошло слово «лот».

Другой прибор называется «лаг»: он служит для определения скорости судна. Это слово тоже пришло к нам из Голландии.

Ф о р ш т е в е н ь — слово сложное, означает, оно примерно «передний штевень». Так называется брус, набитый на переднюю часть судна. Говорят, что форштевнем судно разрезает волны. Слово «штевень» как раз и означает «брус».

В а н т ы — это снасти, которыми крепятся мачты. Идут они от самой мачты к борту и служат также для удобства при лазании на мачту для работы с парусами.

Эти слова голландские, так же, как **б у е к** — поплавок, устанавливаемый для предупреждения об опасности. А вот **т р а у л е р** — слово английское. Так называется рыболовное судно для ловли

рыбы тралом, то есть сетью в форме мешка, буксируемой за судном на длинном канате. Существуют различные способы такого лова. Иногда судно ложится в дрейф, а иногда дрейфует. Многие думают, что это одно и то же. На самом деле это совершенно противоположные вещи. Ложиться в дрейф — значит расположить паруса так, чтобы судно оставалось почти неподвижным. Дрейфовать — плыть под действием ветра или течения, не вмешиваясь ни машиной, ни парусами. Судно, которое ловит рыбу дрейфуя, называется дрейфтером, а сети для такого лова — дрейфтерными, или плавными.

Секстант — происходит от латинского слова «секста» (одна шестая часть). Это прибор-угломер с двумя зеркальцами и трубкой, служащий для определения местонахождения путешественника. Деления секстанта нанесены на шкалу в форме сектора — одной шестой части круга (60) — отсюда и название.

Читать книги можно по-разному. Есть такие ребята, которые, встретив незнакомое слово, либо пропускают его, либо стараются догадаться «по смыслу», по соседним словам, что оно означает. Догадываются не все правильно, и это неверное представление остается потом надолго. Поэтому запомни одно из основных правил настоящего читателя: встретится незнакомое слово — не успокаивайся, пока не выяснишь его значения. К твоим услугам словари, справочники, энциклопедия, советы старших.

Оглавление

Детство Мурки	9
О судах и Судовых псах	18
Отплытие	28
Мурка и море	32
Датские проливы	40
Вот попадем в Северном море в ад	48
Мурка, работа и сельдь	56
Соль в глазах	64
Мурка, чайка и морской черт	74
Расставание и встреча	86
Про морские слова	92

Смуул Ю.

С52 Мурка-моряк. — Таллин: Ээсти раамат, 1986. — 96 с.,

ил.

Летом 1955 года народный писатель Эстонской ССР, лауреат Ленинской премии Ю. Смуул (1922—1971) на первом рыболовческом траулере Советской Эстонии отправился в путешествие по Северной Атлантике, взяв с собой собаку Мурку. В книге рассказывается о нелегком труде рыбаков и веселых приключениях Мурки на корабле.

С 4803010200—372 — 369—86

84.3Э

901(15)—86

Для среднего школьного возраста.

Юхан С м у л. МУРКА-МОРЯК.

Перевод с эстонского: Л. Тоом. Художник-иллюстратор Э. Майсаар. Редактор А. Шарубина. Художественный редактор К. Хаарде. Технический редактор М. Суви. Корректоры О. Александрова, М. Тихомирова. ИБ № 5329. Сдано в набор 19. 06. 86. Подписано в печать 14. 08. 86. Формат бум. 60×90/16. Книжно-журнальная бумага. Гарнитура таймс. Печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0. Уч.-изд.л. 3,42. Тираж 150 000. Заказ № 2198. Цена 15 коп., библиотечный переплет 50 коп. Издательство «Ээсти раамат», 200090, Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Типография «Октобер», 200105, Таллин, ул. Крейцвальда, 24.

15 коп.

